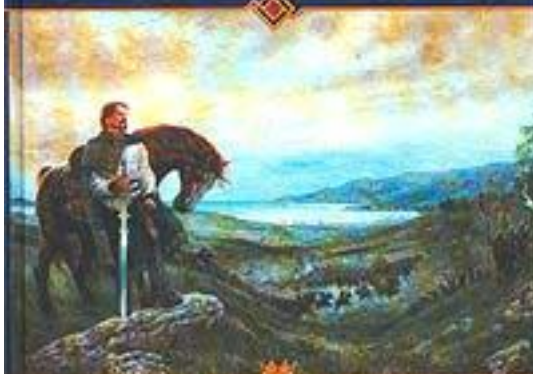

меч и магія

КОРОЛЬ-ВОИТЕЛЬ

сага о шемном короле

Крис Ванч

Сага о Темном Короле

Кристофер Банч

Король-Воитель

1999

Банч К.

Король-Воитель / К. Банч — 1999 — (Сага о Темном Короле)

После сокрушительного поражения имперской армии Нумантия оказалась под властью чужеземных правителей. Прославленный воин Дамастес, одного слова которого было достаточно, чтобы тысячи воинов, не страшась смерти, безоглядно бросались в бой за спасение Империи, томится в тюрьме в ожидании своей участи. Однако даже сквозь толстые стены темницы проникают слухи о том, что провидец Тенедос, чьи руки по локоть обагрены кровью его подданных, не погиб и вновь собирается с силами, дабы вернуть себе императорский трон.

Содержание

1	5
2	9
3	23
4	35
5	52
6	60
7	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Крис БАНЧ

КОРОЛЬ-ВОИТЕЛЬ

Целомудренныe части посвящают Джудин, а все остальное – Терри

1

ВЫЗОВ

Никем нежданные корабли показались примерно за час до наступления сумерек. Мы в течение нескольких часов наблюдали, как они приближались к острову, на котором находилась моя тюрьма, и гадали, что же это могло значить, – без особого правительственного разрешения в этих водах не позволялось появляться ни одному судну. А их было три: большой торговый парусник и два быстроходных пакетбота из тех, которые особенно любят пираты.

Мои тюремщики в суматохе готовились к вероятному сражению. Они всерьез боялись того, что император все же остался в живых и теперь решил попытаться спасти меня, последнего из его верных трибунов, замаравших руки по локоть в крови, пытаясь огнем и мечом захватить и удержать для него трон Нумантии.

Но императором овладело самоуверенное тщеславие; он стал считать себя едва ли не более великим, чем Сайонджи – богиня Смерти, – и решился вторгнуться в пределы лежавшего на юге королевства Майсир. В результате наша армия оказалась разбита, Нумантия попала под власть майсирцев, а я собственной рукой сбил Тенедоса с ног, когда он решил выпустить ужасного демона сначала против врагов, а затем и против своих взбунтовавшихся соотечественников.

Тенедоса, как и меня, отправили в изгнание на острова. Байран, король Майсира, наверняка надеялся, что там нас удастся втихаря задушить или устроить обоим вполне правдоподобное падение с высокой крепостной стены, когда обстановка станет потише.

Действительно, спустя некоторое время последовало сообщение о смерти Тенедоса, и я стал ожидать, когда же убийца явится ко мне, нисколько не беспокоясь о том, что весь мир катится в пропасть.

Но затем этот мир внезапно изменился: известие о смерти Тенедоса оказалось ложным, ему удалось бежать на материк, и теперь он вновь собирал армию, готовый отобрать свой трон у марионеток Байрана, правивших в Никее.

Подойдя поближе к крошечному порту, расположенному под стенами крепости, служившей мне тюрьмой, корабли подали сигналы, и мои стражники успокоились. Суда пришли из Никей и были посланы сюда Великим Советом.

Зато я, напротив, ощутил нараставшее опасение, хотя постоянно выказывал готовность возвратиться на Колесо, быть отданным на суд Сайонджи и возродиться к новой жизни полным ничтожеством в наказание за то, что я как первый трибун Дамастес а'Симабу, барон Дамастес из Гази, повинен в смерти тысяч и тысяч человек.

Конечно, нельзя сказать, чтобы в этой жизни мне удалось избежать наказания богов. Моя скончавшаяся к настоящему времени жена Маран, графиня Аграмонте, – с которой мы жили во взаимной любви, покинула меня, Амиэль Кальведон была убита фанатиками-Товиети, а моя прекрасная Алегрия умерла позже, во время нашего долгого отступления из Джарры, столицы Майсира.

Я облизал пересохшие губы, а затем собрался с силами, чтобы громко рассмеяться. Все минувшее время я надеялся на то, что обо мне забудут, – поведение, достойное труса, а не

воина; теперь же, при появлении весьма недобрых предзнаменований, я испугался. Но все же я принял решение – погибнуть с честью, встретить смерть с достоинством.

Я возвратился в мои «роскошные покои» – в камеру с окном, забранным плотной, толстой решеткой, сквозь которую открывался вид на море, и двумя парами дверей, между которыми располагалась стража, – и постарался продумать свое будущее поведение. Я мог или величественно и благородно дожидаться смерти – так, как, по распространенному мнению, подобает героям, – или же расстаться с жизнью только с оружием в руках.

Я хорошо помнил казнь в Майсире, когда капитан Ательны Ластва, вместо того чтобы безропотно встретить смерть, сам убил палача и еще восемь человек и лишь после этого возвратился к Колесу.

Я вспомнил о нем и о кое-каком припрятанном «оружии», которым смог обзавестись за долгое время заключения, и снова рассмеялся. Ради чего человек, готовящийся к тихой, покорной смерти, станет делать подобные запасы?

Мне удалось украсть столовый нож, который я хорошо наточил о камни в своей камере, и обломок железной дверной ручки, немного напоминавший тот кастет, которым я когда-то давно и далеко отсюда – в Каллио – прикончил ландграфа Малевбранша. А самым главным из моих сокровищ были четыре золотые и три серебряные монеты – я сумел обзавестись ими, заключая осторожные и невинные пари со стражниками, начав с медяков, а затем увеличивая ставки. Я запрятал все это по укромным местам, откуда без труда смог бы достать то, что пожелаю, и принялся ждать.

Тут появились двое охранников, чтобы проводить меня к главному надзирателю, Джеллапу. Он был вполне порядочным человеком – бесхитростный старый домициус, состоявший на военной службе уже пятьдесят лет без перерыва. Это было его последнее назначение перед отставкой. Я часто задавался вопросом, что он думал об этом назначении – четыре сотни охранников и огромная каменная крепость, предназначенные всего лишь для одного узника.

В его кабинете меня дожидались три человека; все были облачены в странные мундиры довольно тошнотворного сочетания серого с красным. Это были, как я понял, хранители мира, они же миротворцы, представители самой многочисленной военной силы, которую король Байран позволил иметь Нумантии. Это войско было словно в насмешку разбито на корпуса, как в свое время моя армия (но ни один из корпусов не насчитывал больше 150 человек). Возглавлял его предатель трибун Эрн, а личный состав набирался из головорезов, которые, нисколько не задумываясь, применяли силу против своих же соотечественников.

Вновь прибывшими были шамб Кателька и два пидна – Бошам и Худа. Достаточно сказать, что воинские звания у хранителей мира, соответствовавшие нашему капитану и легатам, были теми же, что и в майсирской армии. Судя по виду, эти вояки гораздо лучше чувствовали бы себя в бандитском логове, чем в офицерском собрании.

Я ожидал от них чего-нибудь вроде не то немедленного нападения, чтобы сразу же забить меня насмерть, не то глумливого презрения. Но, к собственному удивлению, мне были оказаны знаки формального уважения, и я нашел это даже немного забавным. Все трое старались держаться так, как, по их мнению, должны были вести себя знатные люди, и потому избрали какую-то странную манеру поведения.

– У нас есть предписание, – официально произнес Кателька, – доставить вас в Никею, в распоряжение Великого Совета. Лорды Скопас и Бартоу будут рады встретиться с вами.

Рады? Мне с большим трудом удалось сдержаться и не показать изумления. Я бросил беглый взгляд на домициуса Джелала, но на его лице нельзя было прочесть ничего, кроме нерушимой готовности исполнять приказы да еще, возможно, отвращения из-за того, что он, нумантийский офицер, вынужден теперь иметь дело с ренегатами.

Я решил не уступать им в обходительности и потому ответил с легким поклоном:

– Поскольку у меня нет иного выбора, кроме как оценить по достоинству доставленное вами предписание, я менее чем через час буду готов отправиться с вами.

– Вот и прекрасно, – отозвался Каталька. – Поскольку нам приказано сделать все как можно быстрее. Это вопрос величайшей важности.

– Могу ли я узнать, чего лорды желают от меня?

Более безобразный из двоих младших офицеров издал звук, похожий на рычание. Каталька метнул в него недовольный взгляд, и тот затих.

– Высокие лорды не посвятили нас в свои планы.

– Тогда позвольте мне вернуться в мою камеру и собрать вещи.

– Очень хорошо. Пыдна Худа проводит вас.

– В этом нет никакой необходимости, – вмешался домициус Джелап. – Если уж мы охраняли трибуна Дамастеса более двух лет...

– У заключенного не может быть никакого звания, – резко перебил его Каталька. – Он давно лишен всех титулов.

– Признаю свою ошибку, – ответил Джелап. – Мы всего лишь использовали старые обращения.

– На те дни наплевать, – вмешался Бошам, без особого старания скрывая глумливую усмешку. – И лучше всего больше не вспоминать о них.

Джелап склонил голову.

– Пока заключенный будет собирать свои пожитки, – сказал он, – может быть, вы не откажетесь разделить со мной обед и... – он мельком оглядел их лица, – и выпить немного крепкого подогретого вина? Сегодня пасмурный день... Воображаю, каково было там, на воде.

– Вот это превосходное предложение, – сразу же откликнулся Каталька. Он кивнул двум моим стражникам. – Когда он соберет все, что захочет, приведите его сюда. Не забывайте, заключенный, что ваше барахло как следует обыщут, поэтому даже не пытайтесь выдумывать какие-нибудь штучки.

– Мне совершенно нечего выдумывать, – самым кротким голосом ответил я и вышел.

На то, чтобы собрать пожитки, мне потребовалось всего лишь несколько минут. Конечно, они должны были обыскать меня, но за эти годы я успел освоить несколько арестантских хитростей. Нож был скрыт в глубине подошвы моего ботинка, а маленькая железная дужка совершенно в открытую была приделана к одной из ручек моего потрепанного чемоданчика. Я взглянул на чемоданчик и изношенный плащ, лежавший поверх него, и вспомнил, что некогда владел огромным состоянием, замками, особняками, библиотеками и у меня было столько одежды, что можно было бы без труда одеть целый полк. Да, сама жизнь постоянным коловращением доказывает нам существование Колеса.

Когда мы возвращались в кабинет Джелапа, один из охранников, сержант Перак, остановил меня. Другой прошел на несколько шагов вперед, а затем остановился так, что не мог разобрать ни слова из негромкой беседы. Перак всегда немного сочувствовал мне и передавал запрещенные новости из Нумантии.

– Будьте осторожны, сэр. Один парень с корабля сказал, что император уже отобрал у этих подлых советников две провинции. А эти три свиные хари, сдастся мне, куда как боятся вас – не меньше, чем своих хозяев, майсирских еретиков. А со страху чего только не натворишь.

– Спасибо, сержант. Я всегда осторожен. – Вдруг мне пришел в голову странный вопрос: – А что станет с этой крепостью, когда я уеду отсюда? И с тобой, и с другими солдатами?

– О, за нас вы не переживайте, – ответил он с кривой усмешкой. – Времена нынче суровые, и уж тюрьма-то всегда пригодится. Кто-нибудь да окажется здесь. – Он метнул настоженный взгляд вдоль коридора, чтобы убедиться, что сотоварищ не сможет услышать его слов. – Если повезет немного, то сюда попадут эти подхалимы Бартоу и Скопас.

– Поосторожней, сержант. Они управляют Нумантией.

– Хреном в глаз они управляют, – яростно возразил он. – Они держатся только благодаря этим обоссанным псам миротворцам и майсирцам. Обстоятельства изменяются быстро, а там, где они сидят, все может перемениться быстрее, чем где-либо в другом месте.

– Так какая же власть тебе нужна? Снова император?

Перак замялся.

– А что, это вряд ли было бы хуже, – сказал он после недолгой паузы. – Бартоу и Скопас входили в состав правительства Десяти Дураков, и, судя по тому, что я читал о тех временах, так ничему и не научились.

– Император чуть не погубил Нумантию, – напомнил я ему.

– Пусть так, – спокойно ответил Перак. – Но все равно найдется достаточно людей, которые не прочь снова увидеть, как он попытается занять трон, и, может быть, на сей раз поведет себя поразумнее.

Я не стал спорить, и мы пошли дальше, к кабинету Джелапа. Приехавшие за мной, судя по всему, не столько ели, сколько пили, и их заметно развезло. Джелап, как и полагается хозяину, вероятно, подавал им пример, так как его нос успел покраснеть, и говорил он заметно запинаясь.

– Ну что, мы готовы? – развязно спросил Кателька.

– По первому вашему слову, – ответил я.

– Тогда пойдемте, – сказал он, одним глотком допив почти полный стакан вина. – Я плохо разбираюсь в морском деле, но точно знаю, что, когда начинает темнеть, лучше отойти подальше от берега. Следуйте за нами, заключенный, и не пытайтесь бежать.

Я чуть не рассмеялся. Бежать? С этой скалы, затерянной в просторах океана? Будь это возможно, я сделал бы это год, а то и больше назад. Однако я принял покорный вид и поднял с пола мою небольшую поклажу. Никто даже не двинулся с места, чтобы провести обещанный обыск.

Когда мы вышли, чтобы спуститься на причал, возле которого была привязана шлюпка, сержант Перак подошел вплотную ко мне и быстрым незаметным движением вложил мне что-то в ладонь. Это был небольшой кинжал, убранный в ножны. Я засунул оружие в чемодан, пристально глядя на сержанта. Но его лицо было лишено какого-либо выражения, кроме, может быть, служебного рвения.

Мы сели в шлюпку, и она отчалила от берега. Я обернулся, чтобы окинуть прощальным взглядом тюрьму, где мне вряд ли придется еще раз побывать, и в этот момент увидел нечто странное.

Стражники во главе с домициусом Джелапом выстроились вдоль крепостной стены и тропы, сбегавшей к причалу. И все до одного отдавали воинский салют.

Кому они его отдавали? Уж, конечно, не хранителям мира.

Я отказывался верить, что приветствие было предназначено мне, чуть ли не последнему из тех, кто напоминал о тирании Тенедоса.

Но я все же поднялся на ноги, оперся об одного из гребцов и ответил на прощальное приветствие моих тюремщиков, хлопнув кулаком по плечу.

После этого я повернулся к стоявшему на рейде судну и к тому, что могло ожидать меня в Никее.

2

ГОРОД КОВАРСТВА

Пока мы поднимались против течения реки Латаны, направляясь к Никее, я пытался представить себе возможные варианты развития будущих событий. Меня не заковали в цепи, что я счел хорошим признаком, но я так и не смог улучшить момент, чтобы в каком-нибудь подходящем месте выпрыгнуть за борт – скорее всего, навстречу смерти: Каталька предупредил меня, что у него есть приказ прикончить меня, если только я попытаюсь бежать.

Мне предоставили каюту первого помощника капитана, которая оказалась довольно просторной. Я провел на палубе судна немало счастливых часов, ощущая безмерный восторг лишь оттого, что не вижу на протяжении многих лиг вокруг ни одной каменной стены.

Моряки держались поодаль и наотрез отказывались поддерживать разговор.

Кинжал, который Перак передал мне, был серьезным смертоносным оружием – длиной с ладонь, с рукояткой шириной в пару дюймов и с обоюдоострым, отточенным как нельзя лучше клинком. Эфес с упором был сделан из простой стали, без всяких украшений, а рукоятка – из цельного куска твердого черного дерева. Предназначение этого оружия было совершенно ясным. Я придумал для него укромное место: обвязал поясицу тонким шнуром, так что кинжал висел в паху рядом с детородным членом. Мне не раз приходилось видеть, что людям обычно бывает неловко обыскивать других, прикасаясь к гениталиям. Правда, из-за этого я постоянно ощущал необходимость соблюдать осторожность, чтобы вместо военного дела не пришлось осваивать пение фальцетом, но все равно – настроение мое стало заметно лучше, как всегда бывает у воина, если ему удастся обзавестись оружием.

После четырех дней плавания мы увидели землю: невысоко поднимавшиеся над водой, покрытые джунглями островки Дельты, и я ощутил горячий привет моей тропической родины.

На прибрежной лоцманской станции не оказалось ни одного человека, а бакены, отмечающие фарватер, так давно не красили, что они уже не различались по цвету. Привычного оживленного судоходства не было и в помине: что вверх, что вниз двигались считанные суда.

Совершив дневной переход вверх по реке, мы дошли наконец-то до обитаемой станции гелиографа, откуда передали сигналы, предупреждавшие о нашем скором прибытии в Никею.

Вдоль берегов во множестве рассыпались рыбацкие лодки, хозяева которых ловили мясистых зеленых крабов, водившихся в Дельте. Один из наших пакетботов подошел к такой лодке и вскоре возвратился с изрядной долей ее улова. Часть добычи, впрочем, передали на наш корабль, чтобы можно было приготовить обед.

На рыбацких лодках находились в основном молодые люди, скорее даже мальчики, не иногда встречались молодые женщины. Так как я был очень мало знаком с обычаями жителей Дельты, то спросил одного из моряков, неужели здесь так принято, а если да, то чем же заняты мужчины.

Сначала он уставился на меня с таким выражением, будто перед ним находился пускающий слюни слабоумный, затем осмотрелся, видимо, желая убедиться, что никто не видит, что он разговаривает с таким жалким существом, как узник, которого перевозят из тюрьмы в тюрьму, и наконец ответил:

– Их мужчины удобряют поля в Майсире, Камбиазо, Кейте и тому подобных местах... Может, вы запомнили, что не так давно была война?

Почувствовав угрызения совести за свой действительно дурацкий вопрос, я поблагодарил моряка и отошел к борту. Глядя на рыбаков, я заметил, что выражения на их лицах никак нельзя было назвать дружественными, а один из них сплюнул, как только его лодка осталась у

нас за кормой. Я решил рискнуть прослыть полным идиотом и обратился к Худу с вопросом, по какой цене сейчас продаются крабы.

– Да будь я проклят, если знаю, – ответил он. – Вы что, думаете, что хранители мира за них платят?

Мой вопрос был на самом деле дурацким. Человек с мечом платит лишь в том случае, если он сам и его офицеры являются благородными людьми.

Я увидел Никею, когда мы были еще на изрядном расстоянии от нее, – узнал по зареву в ночном небе, как будто от сильного пожара. Город освещался факелами природного газа, просачивавшегося из подземных кладовых, а древнее поверье утверждало, что в тот день, когда Город Огней окажется погруженным в темноту, погибнет и вся Нумантия.

Мы бросили якорь, когда лишь немного перевалило за полдень, и потому я предположил, что Совет приказал доставить меня в Никею под покровом темноты. «О боги, чего они могли опасаться?» – несколько раз спрашивал я себя. Разве не был я повсеместно проклятым первым трибуном, которого ненавидели почти так же, как и самого императора? Или положение изменилось?

Якорь мы подняли с началом «собачьей» вахты, то есть около четырех часов утра, и причалили в доках Никеи на рассвете. Нас поджидала конная группа хранителей мира, сопровождавшая четыре черные санитарные кареты с крошечными окнами, в которых тюремщики Никеи имели обыкновение перевозить заключенных.

– Вы сядете вот в эту, – распорядился Каталька. – Если вас кто-нибудь рассчитывает украсть, то похитители все равно не будут знать, на какую из карет нападать.

Восхитившись про себя тонкостью этого плана – я даже подумал, что этот человек может знать и о том, что суп не следует хлебать вилкой, – я вошел в указанную мне карету.

Пока мы гремели по утренним улицам, я не отрывался от крошечного окошка. Город Огней всегда кичился тем, что никогда не спал, но теперь он сильно изменился, и на улицах почти не было людей, за исключением фонарщиков, гасивших газовые факелы, немногочисленных пьяных да первых рабочих, направлявшихся по своим делам. Даже пьяницы спешили убраться с дороги при виде мундиров миротворцев – похоже, солдаты Эрна обладали именно такой репутацией, о которой я заранее подозревал.

Никея казалась серой, усталой, грязной, а ведь некогда она являла собой столицу, ярко сиявшую всеми цветами и оттенками. Война, оккупация армией Майсира, разграбление сокровищниц Нумантии королем Байраном... Но в первую очередь облик столицы, которую я так любил, изменило осознание беспрецедентного поражения.

Целые кварталы казались безлюдными, а районы, в которых еще не так давно жила преуспевающая публика, превратились в трущобы.

Мы миновали кирпичные казармы. Я хорошо их помнил: здесь в прежние времена размещались Золотые Шлемы – ни на что не годное парадное подразделение, которым мне некогда пришлось командовать. Здания казались заброшенными, газоны заросли, от белой краски, которой постоянно красили стволы деревьев, не осталось даже следов, тщательно вымощенные камнем дорожки были выщерблены. Из окон тянулись веревки с развешанным бельем (в основном женским). Перед казармами красовался приметный знак: желтая полоса – государственный цвет Майсира – поверх синего цвета Нумантии, а на этом фоне сжатая в кулак рука в железной перчатке и лозунг: «БЕРЕГИТЕ МИР». Я, конечно, не ожидал, что Никея окажется такой, какой я ее покинул, но то, что я увидел, по-настоящему больно задело меня, и я отвернулся от окна, не дожидаясь, пока карета остановится. Наконец дверь открылась; я увидел снаружи не менее полусотни миротворцев с оружием наготове, но, не задерживаясь, вышел и осмотрелся.

– Значит, это моя новая тюрьма?

– Вовсе не обязательно тюрьма, – ответил Каталька. – Просто место, где вы будете в безопасности, пока лорды не решат, как с вами поступить. – Его лицо скривилось в неприятной усмешке.

Я ответил ему примерно такой же улыбкой. Меня удивил не Каталька, а место, выбранное для моей новой тюрьмы: сам я использовал его совсем для других целей. Это было четырехэтажное здание с башней посередине, которое я когда-то выбрал для того, чтобы во время восстания Товиети поселить там Провидца Тенедоса. Я тоже укрывался там со своей будущей женой Маран. Позже, когда император занялся колдовством, именно здесь он вызывал демонов, которые подвинули его начать столь плачевно закончившуюся войну с Майсиром.

Снова я ощутил вращение Колеса...

Меня привели в отведенное мне помещение на верхнем этаже наружной башни – то самое, которое занимал император, – и сказали, что в этой башне находится около трех сотен хранителей мира, единственной обязанностью которых является охрана моей персоны.

Здесь мне предстояло ждать, пока меня не пожелают вызвать.

Конечно, Бартоу и Скопас повели себя именно так, как я и думал, и потому вызова по «вопросу величайшей важности» мне пришлось ожидать целых две недели. Однако это оказалось только к лучшему, ибо за это время мне удалось подкупить одного из моих тюремщиков, напыщенного дурака по имени Дубатс. Он относился к той породе людей, которые уверены в том, что все знают, и стремятся постоянно это доказывать, хотя сам имел лишь очень приблизительное представление о событиях в Нумантии.

Император, восстав из мертвых, – власти до сих пор не знали, как к этому отнестись: то ли как к малопристойному спектаклю, то ли как к чрезвычайно неприятному факту, – перебрался с острова Палмерас в провинцию Гермонасса, где жители немедленно отреклись от власти Великого Совета и присягнули ему. Два корпуса хранителей мира, направленных для того, чтобы подавить угрозу в зародыше, перешли на сторону противника и образовали ядро его новой армии.

Тенедос, как сообщил мне тюремщик, шел к югу вдоль западного побережья Нумантии, наращивая силы по мере продвижения. Второй провинцией, признавшей его, оказался Тикао. Плохо понимая, как мне относиться к положению в мире, которому приходилось выбирать из двух зол, не имея представления при этом, которое из них меньшее, я не знал, гордиться мне или стыдиться того, что моя родная провинция Симабу сохранила лояльность марионетчному правительству, как, впрочем, и ее прибрежная соседка Даркот. Но Бала-Гиссар, Кхох и Гианц перешли на сторону Тенедоса, а на востоке их примеру последовали Бонвалет и Варан.

Правительство сохраняло власть над центральной частью Нумантии и Латаной, крупнейшей рекой страны, по которой проходил главный путь сообщения, связывающий север и юг. Только Исфахан, лежащий южнее главной провинции Дара, дрогнул было, но хранители мира быстро привели его в чувство. Каллио, еще одна крупная провинция, которая сначала возмутилась против Совета Десяти, а затем продолжила борьбу уже против императора, естественно, ни в какую не соглашалась вновь признать его, как и Юрей, который был опустошен сначала нашей собственной армией во время отступления из Нумантии, а затем еще более жестоко пострадал от пришедших нам на смену майсирцев. Жители Юрея больше не желали воевать ни за что и ни на чьей стороне.

Город Огней всегда первым приходил в волнение при любом кризисе, и сейчас, по словам тюремщика, здесь намеревались строить баррикады, чтобы противостоять натиску императорских войск. Второй бедой, которой боялись не меньше, если не больше, была возможность нового вторжения короля Байрана, уже пообещавшего уничтожить Нумантию. А третью угрозу представляли собой, конечно, демоны, которых архиколдун Тенедос, несомненно, напустит на Никею, чтобы обратить ее в пустыню.

Этот последний вариант нельзя было считать маловероятным, ибо Тенедос как раз намеревался привести его в исполнение, но в тот момент я сбил его с ног и не дал закончить заклятие, которое он творил. После этого я бросил остатки кавалерии в безумную атаку против армии Байрана, как будто в тот момент был воплощением самой Сайонджи.

Но пока что, успокоил меня Дубатс, все ограничивалось одними слухами.

Я спросил о Товиети, которых мы с Тенедосом некогда подавили (хотя это привело лишь к тому, что мы видели, как этот культ все время снова возникал в различных формах и исчез одновременно с нашим поражением). Мой стражник ничего не слышал о душителях с желтыми шнурками, и это оказалось одной из немногочисленных добрых новостей, которые мне удалось получить за это время.

Похоже, что я знал теперь ничуть не меньше, чем любой из обитателей города, так что мне оставалось только ждать. Ждать и час за часом упражнять мышцы, чтобы не потерять физическую форму, так как я обязан был наилучшим образом подготовиться ко всему, что могло вскоре последовать.

Впрочем, я занимался и еще кое-чем. Я когда-то сам выбрал эту башню в качестве обители императора и убедился в том, что она недоступна для убийц-Товиети. Теперь я ломал голову над тем, как отсюда выйти. Я знал о том, что в здании существует три пути, пригодных для бегства, причем два из них можно использовать для того, чтобы попасть внутрь. За время пребывания в майсирских и нумантийских тюрьмах я обрел немало новых знаний. Шансы на побег повышало и то, что командир миротворцев был чрезвычайно дисциплинированным и организованным человеком, поэтому все действия стражи – прием пищи, строевые занятия, военная подготовка и проверки – осуществлялись строго в одно и то же время.

Впрочем, планы побега, конечно, не могли занимать все мои мысли, так как я понятия не имел, куда смогу направиться, выбравшись за стены башни. Никто не пожелает предоставить мне убежище, и, скорее всего, следует ожидать, что едва ли не любой, увидев мое, к сожалению, весьма запоминающееся лицо, примется кричать, вызывая стражников или же набросится на меня с любым оружием, какое окажется у него под рукой. Если уж мне суждена смерть, то я предпочел бы погибнуть от чистого острого лезвия топора или прочной петли. Возможность быть разорванным на клочки разъяренной толпой меня не прельщала.

Так или иначе, но однажды рано утром за мной пришли охранники, усадили в одну из санитарных карет и доставили в Великий Дворец, некогда принадлежавший Совету Десяти, а затем, после большой перестройки, сделавшей его более современным и роскошным, – императору.

Колеса прогремели по мосту через ров, карета въехала в центральный внутренний двор, приблизилась к дверям, находившимся в глубине, а затем меня втокнули в тесную каморку, где мне снова пришлось ждать под присмотром четырех охранников, не спускавших с меня настороженных взглядов.

Через некоторое время дверь открылась, и еще полдюжины стражников удостоверились, что я не успел прикончить моих охранников. Затем вошел Скопас. Он стал еще толще, чем был, когда я видел его последний раз, – когда же это было, сразу и не вспомнишь, – более десяти лет тому назад. Скопас был одним из первых членов Совета Десяти, поддержавших Тенедоса, и считался самым разумным из всех этих бестолочей. После коронации он попытался добиться милости императора, но из этого ничего не вышло.

Позже, когда мы сражались в Майсире, он организовал мятеж, закончившийся неудачей, но сумел спастись, скрыться и подготовить второе, на сей раз успешное восстание, случившееся как раз перед тем, как мы потерпели поражение под Камбиазо.

Следом за ним вошел Бартоу. Он в прежнее время был спикером Совета Десяти, но, несмотря на высокое положение, никогда не считался слишком уж пронизательным человеком.

Я вежливо поклонился. Скопас ответил мне тем же, тогда как Бартоу, видимо, не решивший, как держать себя со мной, не поприветствовал меня.

– Дамастес а'Симабу, – сказал Скопас, – мы распорядились доставить вас сюда, чтобы предложить вам жизнь, а также возможность вновь присоединиться к нумантийскому дворянству, и вернуть отнятые у вас владения, которые смогут обеспечить вам более чем достойную жизнь.

– Все, что мы хотим, – вмешался Бартоу (и тут я сразу же подумал, что эта беседа была заранее отрепетирована), – это чтобы вы исполнили определенную задачу.

– Мне очень хотелось бы ответить на это, что я нахожусь в вашем распоряжении, – сказал я. – В принципе, так оно и есть, поскольку я ваш пленник. И чего же вы желаете от меня?

– Сначала, – вновь заговорил Скопас, – я задам вам вопрос. Получали ли вы какие-нибудь предложения от предателя Тенедоса?

– Каким же образом? – удивился я. – Не забудь те, ведь вы же сами заключили меня в тюрьму, изолировали от всего мира.

– Колдуны, – ответил Бартоу, глядя по сторонам, будто ожидал увидеть, как из стен волшебным образом вырастут уши, – умеют делать такие вещи, которые не доступны смертным вроде нас.

– Я отвечу на ваш вопрос с полной откровенностью: никто не делал мне никаких предложений, – сказал я.

– Всем известно, что вы присягали тому, кто был некогда нашим императором, – ото-звался Скопас. – А еще я знаю ваш семейный девиз: «Мы служим верно».

Это произвело на меня известное впечатление. Я никак не ожидал от этого жирного человека подобной осведомленности и только кивнул в ответ.

– Считаете ли вы, что ваша присяга все еще сохраняет силу, учитывая возможность того, что человек по имени Тенедос жив?

Молниеносно перебрав в уме различные тонкие ходы, я решил, что сейчас они мне не под силу.

– Я не знаю, – совершенно честно сказал я. – Именно я оглушил Тенедоса во время битвы при Камбиазо и, скорее всего, дал майсирцам возможность добиться победы. Не становится ли моя присяга в подобной ситуации довольно бессмысленной?

И Бартоу, и Скопас одинаково выпучили глаза от изумления. О том, что произошло в шатре императора возле Камбиазо, знали лишь двое. Я ничего не говорил об этом, считая случившееся позором, и, очевидно, Тенедос вел себя так же.

– Возможно, и так, – сказал Бартоу. – Но вопрос заключается в следующем: желаете ли вы продолжать служить императору?

Я покачал головой:

– Теперь я не служу никому. Даже – как заключенный – самому себе.

– Хотели бы вы изменить свое положение? – спросил Скопас.

– Мы должны остановить этого самозванца Тенедоса, – добавил Бартоу, – и сделать это как можно скорее. Иначе может случиться самое худшее.

– Что же следует считать самым худшим? – спросил я. – То, что Тенедос вновь захватит трон... или же то, что король Байран вернется со своей армией, чего, я полагаю, следует ожидать в случае возвращения императора?

– Вы сами ответили на свой вопрос, – сказал Скопас. – Теперь перейдем конкретно к тому, чего мы ожидаем от вас: мы хотим добиться от короля Байрана разрешения на то, чтобы увеличить количество хранителей мира и создать из них силу, способную противостоять Тенедосу и победить его.

– А как же быть с предателем Эрном, который теперь возглавляет их? Я понимаю, что все любят его за реалистический подход к политике, – резко сказал я.

У обоих членов Великого Совета лица сделались несчастными.

– Хранитель мира Эрн действительно не тот предводитель, который будет пользоваться любовью народных масс, – признал Скопас. – Нам требуется некто, обладающий большей известностью, к кому лучше относились бы в народе, способный как привлечь новобранцев, в которых мы отчаянно нуждаемся, так и повести их за собой в сражение.

Эти слова заставили меня задуматься, Я привык, что жители Нумантии считали меня наихудшим из тех злодеев, которые вели их на убой. Но если допустить, что эти двое знают, о чем говорят, – а этот разговор очень сильно отличался от того, что я слышал от них при прошлой встрече, – то реальное положение дел может сильно не сходиться с моими представлениями о них.

– Вы хотите сказать, что я мог бы выступить в роли символической фигуры, – медленно произнес я, – при том, что реальным командиром останется Эрн?

– Конечно, – подтвердил Бартоу, – а разве может быть иной вариант?

– Поскольку Эрн является воплощением честолюбия и властолюбия, облеченных в плоть, и не обладает достаточной квалификацией даже для того, чтобы быть одним из рядовых генералов в армии... даже состоящей из таких засранцев, как хранители мира... я оказался бы форменным дураком, если бы согласился служить под его командованием. Особенно при том условии, что его ошибки могут быть поставлены в вину мне, как вы только что сказали.

Бартоу напыжился было, чтобы отразить мой выпад, но Скопас успокоил его, взяв за руку.

– Раз уж вы не отказали наотрез, то позвольте мне попробовать другой подход, – спокойно проговорил он. – Вы согласились бы принять армию – я имею в виду армию хранителей мира и при условии отстранения Эрна – в качестве некоего почетного командира, но без реальной власти? Конечно, вам нельзя будет оставить звание трибуна – существуют политические соображения, требующие навсегда отказаться от этого звания. Возможно, мы могли бы присвоить вам звание верховного йедаза, что, в свою очередь, избавит короля Байрана от части проблем, связанных с вашим возвращением на военную службу.

– Я знаю, что очень невежливо отвечать вопросом на вопрос, и потому не стану этого делать, – сказал я. – Но мне нужна дополнительная информация. Армия – независимо от того, как она будет называться, – во главе которой окажется не один генерал, не один трибун или военачальник, носящий любое майсирское воинское звание... Итак, кого еще вы можете назвать в качестве командующего ?

– Связь между нами и хранителями поддерживает Тимгад, – ответил Скопас.

Я помнил его очень смутно: подхалим, введенный в состав Совета Десяти после начала мятежа Товиети, лизоблюд Бартоу. Он и его положение... Впрочем, если я приму их предложение, то все это лишится всякого значения, ибо в этом случае я буду считаться с Советом не более, чем с Эрном.

– Лорд Драмсит хотя и не слишком опытен, полон огня и энтузиазма, – продолжал Скопас. – Мы намереваемся присвоить ему звание раста.

Драмсит был крайне реакционно настроенным сельским бароном. Он принял под свое командование карательные команды, созданные моим шурином Праэном, после того как последний был убит последователями Товиети. Некогда я выгнал его из своего дома.

– Зато большим опытом обладает, – вмешался Бартоу – генерал, а теперь раст Индор.

Опыт... Весь этот опыт чисто политический. Совет Десяти пытался навязать его в качестве главнокомандующего армией, а Тенедос от его кандидатуры наотрез отказался. Вряд ли это можно считать плюсом.

– А также раст Тэйту.

Порядочный человек, отстраненный Тенедосом от командования за отказ от выполнения приказа атаковать под Дабормидой. Скорее достоинство, чем недостаток.

– Барон Лани не имеет опыта, но, как и Драмсит, полон огня, – сказал Бартоу.

Барон был экс-командиром гарнизона Никеи и заменил меня в качестве главы временного правительства в Каллио, после того как император сместил меня и отослал домой. Судя по всему, он хорошо выполнял свою работу. Плюс.

– А лучшим нашим офицером, – опять заговорил Скопас, – вероятно, является Трерис, заместитель Эрн, командира хранителей мира. На самом деле именно он и занимается всеми делами. Во время войны ему не довелось служить в армии, но он организовывал караваны со снабжением на границы. Он гордится тем, что не потерял ни единого человека, ни единого тюка с грузом во время нападения бандитов и при прочих неприятностях. И конечно, Трерис был должным образом за это вознагражден. Я предполагаю, что мирная жизнь показалась ему скучной, поскольку он присоединился к хранителям и с тех пор быстро повышался в звании. Эрн использует его в провинции, где он прекрасно справляется с подавлением всякого инакомыслия. Его считают совершенно безжалостным при выполнении приказов и поручают работу, в значительной степени сходную с той, которую вы делали для императора. Насколько я знаю, у вас была именно такая репутация.

Нет, мне никогда не доводилось слышать, чтобы такое качество, как безжалостность, связывали с моим именем, и я надеялся, что так останется и впредь. Что же касается этого Трериса, то он вполне мог оказаться компетентным, и потому Эрн и не позволял ему появляться поблизости от Никеи, в поле зрения властей.

– Конечно, есть и многие другие, – почти без перерыва продолжил Скопас – Командиры среднего ранга времен войны, возвысившиеся благодаря удачному стечению обстоятельств. Мы совершенно уверены в своих людях.

Я с трудом удержался от ехидного смешка. Если они так уверены в этом, то зачем же вытаскивать меня из тюрьмы? Я мог бы дать им точный ответ прямо сейчас, но мне слишком нравилось ощущать, что моя шея пока еще крепко соединяет голову с плечами.

– Понимаю, – смиренно ответил я. – Естественно, мне потребуется день, а возможно, и два, для раздумий.

Выражение лица Бартоу опять сделалось несчастным, но Скопас торопливо кивнул:

– Конечно, конечно. Мы не торопим вас. Но вам придется простить нас за то, что мы еще на некоторое время воздержимся от сообщения о вашем возвращении и не позволим вам сразу же вернуться к общественной жизни.

– Конечно, – согласился я. – Я не желаю становиться причиной осложнений. – С этими словами я шагнул к двери. – Так что если вы позволите мне возвратиться в мою... отдельную квартиру...

Скопас величественным жестом позволил мне удалиться, и я спустился в зал, заполненный охранниками. Обернувшись, я увидел Скопаса, глубокомысленно глядевшего мне вслед. Бартоу подошел к нему и что-то сказал. Скопас, все так же не отводя от меня взгляда, что-то ответил ему, покачивая головой.

Я предположил, что размышления все же отражались на моем лице, но не оказались обескураживающими для моих собеседников. Ведь Скопас, несмотря на все его бесчисленные недостатки, за долгие годы пребывания у власти научился определять значение любого произвольного движения или взгляда человека.

Я уже решил, что ни при каких обстоятельствах не соглашусь стать хранителем мира. Не только из-за того, что они вызывали у меня глубокое моральное отвращение, но (и это было, пожалуй, важнее) и из-за того, что с этими бездарными клоунами вместо офицеров мои возможности нанести поражение Тенедосу – опытному генералу и могущественному волшебнику, способному порой предвидеть будущее, – полностью сводились к нулю.

Проблема заключалась в том, чтобы найти возможность отказаться от их предложения и все же остаться в живых.

А затем следовал другой вопрос – если мне удастся преодолеть этот кризис, то что будет дальше?

Ни на первый, ни на второй вопрос у меня не было ответа.

Я словно видел сон наяву. Император Лейш Тенедос стоял, скрестив руки на груди, посреди моей комнаты. По обеим сторонам от него находились курильницы, испускавшие разноцветный дым.

Император улыбнулся, и я понял, что не сплю.

Я вылез из постели и начал кланяться, как был, голый, затем спохватился и вконец растерялся.

Тенедос расхохотался.

– Хотя ты и приносил присягу, – сказал он, – но совершенно не обязан соблюдать требования этикета. Я еще не вернул себе трон. – Улыбка исчезла с его лица. – Еще не вернул, но этого недолго ждать.

– Как вам это удалось? – с трудом заговорил я.

– Меня самого это немного озадачивает, – ответил он, шагнул в сторону (сделавшись при этом невидимым) и вернулся со складным походным стулом. Снова скрывшись на мгновение из виду, он возвратился с хрустальным графинчиком в одной руке и бокалом в другой, плеснул себе бренди, убрал графин и сделал маленький глоток.

– Это то самое заклинание, которое я изобрел, – сказал он, – для того, чтобы работать с Чашей Ясновидения, которой мы когда-то пользовались, когда ты находился в Каллио. При ее помощи я посылал... сообщения... некоторым людям, которые служили мне в прошлом и чья служба требуется мне теперь. Мне нечасто удавалось связаться с ними, и их образы были очень туманными, расплывчатыми... Совершенно не такими, как сейчас. Возможно, дело в том, что я когда-то творил большое волшебство в той самой башне, где ты сейчас находишься и где сохранились остатки силы. А может быть, дело в том, что ты был ближе ко мне, чем кто-либо другой из всех моих офицеров и сановников. Ты понимаешь, Дамастес? Ты имеешь дело не с наваждением, не с каким-нибудь двойником! Я вернулся и обладаю силой намного большей, чем когда-либо прежде.

Мне удалось скрыть дрожь. Величайшая тайна Короля-Провидца состояла в том, что он получал свою колдовскую силу от крови, от смерти. Именно поэтому он поклонялся богине Смерти Сайонджи, само имя которой заставляло дрожать от страха едва ли не каждого нумантийца. Мне эта тайна раскрылась лишь перед самым концом, незадолго до разгрома при Камбиазо, однако подсознательно я начал ощущать это несколькими годами раньше.

Итак, его силы вернулись и стали еще могущественнее... Я не мог с уверенностью решить, что это могло означать: то ли он узнал новые, более могущественные заклинания, то ли – что было бы гораздо страшнее – заключил новый договор с другим демоном, пообещав ему кровь в обмен на силу и власть.

А потом мне в голову пришло еще худшее соображение: что, если Тенедос на самом деле умер, а не разыграл свою смерть? Ему удалось заключить сделку с самой Сайонджи, и теперь он смог вернуться в этот мир в том же самом образе, а не попасть на Колесо, чтобы возродиться заново в какой-нибудь отдаленной стране, в ином теле, возможно, даже в образе животного, а не человека?

Тенедос пристально рассматривал меня.

– Могу ли я узнать, о чем ты думаешь? – спросил он насмешливым тоном.

Я помотал головой.

– Я еще не до конца проснулся, и поэтому вряд ли мне удастся толково рассказать об этом.

Тенедос снова рассмеялся.

– Дамастес, друг мой, ты всегда был никудышным лжецом. Впрочем, это не имеет значения. Тебе приходилось думать о прошлом? О том, как ты поступил со мной в Камбиазо?

Я промолчал.

– Ты не должен позволять себе терзаться из-за этих событий, – сказал он. – Это было и кануло в прошлое, а теперь наступило иное время. Я призываю тебя вернуться к исполнению обязанностей первого трибуна, главнокомандующего моими армиями, и помочь мне вернуть принадлежащий мне по праву трон и мою законную власть над Нумантией.

– Невзирая на то, что между нами произошло? – спросил я.

– Не могу сказать, чтобы мне тогда понравился твой поступок. Я был ослеплен гневом из-за предательства Скопаса, Бартоу, трусливых вшей, населяющих Никею, и намеревался наслать на них гибель. – Он отпил из бокала. – Я плохо соображал в тот момент, ибо ни в коем случае не должен был позволить себе волноваться из-за них до того, как покончу с майсирцами. Ты должен был остановить меня, но не тем способом, который выбрал. Ради блага Нумантии, не в меньшей степени, чем моего... и учитывая то положение, в котором ты сам в результате оказался, ради своего собственного блага.

На мгновение я подумал, не задать ли мне вопрос: как заставить подчиниться себе волшебника, находящегося в ужасном гневе, волшебника, который может вызывать демонов, способных разрушать крепости и уничтожать армии?

– Но, как я уже сказал, – продолжал Тенедос, – это осталось в прошлом. Во время моего изгнания я имел возможность обдумать то, что я делал, понять, что было верно и что неверно, и решить, как я буду изменять положение, если мне представится для этого возможность. Мне дали такую возможность. Хотя, вернее будет сказать, что я не пропустил подходящий момент. Теперь я нахожусь на пути к восстановлению моей власти. Я уже собрал большую силу, почти сто тысяч человек. Но мне не хватает офицеров, которые смогут повести их в сражение, людей, обладающих опытом (хотя энтузиастов у меня хватает), молодцов с огнем в крови, начинающих рваться в бой при звуке барабана. Король Байран перебил слишком много наших лучших воинов. Впрочем, я уверен, что я... что мы можем победить, и когда я говорю «мы», я имею в виду тебя, Дамастес а'Симабу, мой самый доблестный солдат.

– Но какой же у вас план? Что вы намереваетесь делать по-другому? – продолжал я тянуть время.

– Прежде всего я должен вернуть себе трон и сплотить вокруг себя Нумантию. Скопас, Бартоу, весь их режим и в первую очередь эти омерзительные миротворцы во главе с мерзавцем Эрном должны быть уничтожены. Нельзя проявлять милосердие и брать пленных. Я однажды уже совершил подобную серьезную ошибку, но во второй раз я ее не повторю.

– А как быть с Майсиром? – спросил я. – Вряд ли Байран смирится и позволит вам... Нумантии вернуть себе былую славу.

– У него не останется никакого выбора, – ответил Тенедос. – Конечно, узнав о моих военных успехах, он соберет свои армии и двинет их на север. Но к тому времени, когда он пересечет границу, проберется через Сулемское ущелье или какой-нибудь другой проход сквозь Думайтские горы, будет уже слишком поздно. А попав в Нумантию, он окажется в том же самом положении, в каком мы оказались, вторгнувшись в Майсир: ему придется вести войну на чужой земле, где все и вся направлено против него. Я встречу с ним в поле, там и тогда, где и когда он будет меньше всего ожидать этого. А потом майсирцы и их убийца-король, убудок, наложивший на тебя заклятие и вынудивший тебя стать убийцей и чуть ли не царевубийцей, будут наголову разгромлены. Не забывай, что у нас есть большое преимущество. В Камбиазо ты убил самого сильного из его магов, азаза. Я и тогда был сильнее, чем он, а теперь моя мощь возросла вдвое.

Так что пусть Байран идет на север со всеми своими военными магами. На сей раз я знаю, с чем мне предстоит встретиться, и уже начал собирать своих мудрых собратьев и приводить

в готовность мою собственную боевую магию. Прежде чем он пересечет границу, я уничтожу всех его волшебников, и он станет беспомощным перед моими... нашими сокрушительными ударами, как материальными, так и духовными!

Уничтожив короля и его армию, я не стану повторять своей второй ошибки: не стану вторгаться в Майсир. Нет, я позволю им погрузиться в совершенный хаос на жизнь целого поколения или, возможно, двух, и все это время они будут бросать завистливые взгляды на север, на нашу безмятежную жизнь, нашу удовлетворенность, наше процветание. А потом они сами начнут просить, чтобы я властвовал над ними.

Снова в моей памяти возникли слова, некогда сказанные мне Тенедосом: Нумантии никогда нельзя позволять жить мирно, ибо нация, которая не борется за свое существование, за свою душу, доходит до полного ничтожества, распада и крушения. Впрочем, при этих словах Тенедоса у меня возник и более важный вопрос.

– Ваше величество, – признаюсь, что это обращение далось мне без малейшего напряжения, – вы только что сказали нечто странное, нечто такое, что я не в состоянии понять. Вы сказали, что должно смениться одно или два поколения, прежде чем майсирцы захотят начать служить вам...

Ты соображаешь ничуть не хуже, чем раньше, – ответил Тенедос. – Это вторая тайна: я вплотную подошел к открытию способа продлить наши жизни вдвое, а то и вчетверо против жизней обычных людей, или даже больше. Это представляется мне забавным: возможно, Сайонджи позволит мне, как преданнейшему и величайшему из ее служителей, в качестве награды остаться свободным от возвращения к Колесу на более длительный срок. Мне и тем, кого я сочту достойным этой неслыханной привилегии.

Я пристально вглядывался в эти глаза, горевшие опасным огнем, глаза, которые держали меня в своей власти и командовали мною большую часть моей жизни. Я не мог решить, говорил ли он правду, или бредил, или пытался соблазнить меня, как будто обещание добавочного количества лет этой крайне малопривлекательной жизни могло оказаться завлекательной приманкой.

– Я знаю, что ты не забыл присягу, которую приносил мне, хотя кое-кто из людей мог бы сказать, что ты изменил ей, когда нанес мне удар.

Находясь в заточении, я потратил немало часов, размышляя о том, сколько горя горделивый девиз «Мы служим верно» должен был принести моему роду за время существования множества его поколений.

– Сэр, нам следует сейчас же разобраться с одной вещью, – медленно произнес я. – Я отказываюсь признать, что нарушил мою присягу, когда воспрепятствовал вам свергнуть Нумантию в хаос, – ибо разве не является обязанностью офицера удерживать своего командира от нарушения его собственной присяги? А ведь вы клялись этим людям, в моем присутствии и перед ликами великих богов Умара, Ирису, Сайонджи, что никогда не станете обращаться с вашими подданными жестоко или пренебрежительно. Разве не так?

Лицо императора налилось кровью, и он крепко стиснул в кулаке бокал. Я ожидал, что стекло сейчас разлетится вдребезги, но Тенедос заставил себя успокоиться, изогнул губы в улыбке и резко, деланно рассмеялся.

– Я думаю, – медленно проговорил он, – что именно поэтому всегда неудобно иметь дело с друзьями. Они продолжают напоминать о вещах, с которыми... трудно смириться. Очень хорошо, Дамастес, мой... мой друг. Будем считать, что вопрос о присяге и ее нарушении исчерпан.

– Теперь я снова задаю тебе тот же вопрос. Верен ли ты своей присяге, вспомнишь ли о своей гордости, гордости Нумантии и станешь ли снова служить мне? Помоги нам вернуть себе наше законное место перед ликами богов как самой лучшей, избранной нации в этом мире. Помоги мне сделать Нумантию еще более великой, такой, чтобы другие смотрели на нас

с бессильной завистью. Помоги мне разделаться с врагами Нумантии, прежде чем они смогут окончательно уничтожить нас!

Я чувствовал, что его слова потрясли меня, потрясли мой мир, и с трудом удерживался от того, чтобы опуститься на колени.

– Если я соглашусь, сэр, – задал я необходимый вопрос, – то как я смогу чем-либо помочь вам и Нумантии, находясь в столь затруднительном положении?

Тенедос улыбнулся; эту улыбку мне часто приходилось видеть, когда он одерживал трудную победу, превозмогал упорного противника. Снова запустив руку в никуда, он разжал кулак и показал мне нечто похожее на монету или амулет.

– Держи, – сказал он и бросил эту штуку в мою сторону.

Если бы у меня оставались хоть малейшие сомнения по поводу того, сплю я или нет, то сейчас пришлось бы от них избавиться, так как монета с совершенно явственным звоном упала на пол. Я неохотно подобрал ее. В тот момент, когда я поднял ее, она была теплой, но быстро остыла.

– Потри ее, думая обо мне, и я направлю магическую помощь, чтобы способствовать твоему бегству, какой бы способ ты ни избрал, – проговорил Тенедос. – Когда окажешься на свободе, положи ее на ладонь и поворачивайся вокруг. Как только почувствуешь, что монета потеплела, следуй в этом направлении, и в конце концов доберешься до меня.

Император встал.

– Вспомни добрые времена, – сказал он. – Вспомни, на что это было похоже: ощущать себя центром мира и знать, что все прислушиваются к нашим словам, повинуются нам. Они повиновались с радостью, поскольку мы были ярким светом, спасающим Вселенную от тусклого сумрака прошлого. Пришло время возвратиться в те дни. Ты и я – так это было, и так это будет.

– Я с радостью снова увижу тебя, Дамастес, – мягко продолжал он. – Жду твоего возвращения, мой друг.

И я остался в одиночестве, глядя на дальнюю стену моей комнаты.

Я долго разглядывал амулет, покрытый странными выпуклыми узорами, по-видимому, не имеющими отношения к геометрии нашего мира, и вдавленными значками, которые я считал буквами какого-то столь же странного языка.

Значит, император Тенедос предполагал, что я снова буду на его стороне, а Великий Совет станет лишь хлопать глазами, глядя, как я обманываю его.

А потом ко мне неспешно, исподволь пришла мысль: я не хотел иметь дело ни с одним из них; больше того, я совершенно не желал быть воином. Возможно, спустя некоторое время я вновь пожелаю возвратиться к моему призванию, но это произойдет не теперь. Не при этом состоянии полной неразберихи.

«Вспомни добрые времена», – сказал император. Но я не мог этого сделать. Я помнил поля битв, заваленные трупами, города, охваченные пламенем, демонов, которые разрывали на куски воинов, чья доблесть оказалась бессильной против их клыков и когтей. Я помнил Амизель Кальведон, умиравшую оттого, что стрела пробила ей бок, умиравшую полной надежд на будущее, тогда, когда она вынашивала моего ребенка. Я вспомнил Алегрию, которая желала заниматься любовью в ледяном аду, какой являла собой дорога к северу от Джарры, а затем тихо умерла; вспомнил струйку крови, стекавшую с ее губ...

Нет, это были не добрые времена, а кровавые кошмары.

Все, чего я хотел, – укрыться в каком-нибудь совершенно спокойном месте, где никто не будет беспокоить меня, а мне не придется ни на кого поднимать руку. Я рассеянно думал о тихих, мирных джунглях Симабу, среди которых провел детство, – как же редко я там бывал все остальные годы! – и теперь сожалел о том, что мне пришлось уехать оттуда.

Конечно, никаких надежд на то, что мне хоть когда-нибудь удастся вновь побывать в тех местах, не осталось, и поэтому я постарался выкинуть воспоминания из головы.

По крайней мере, пытался я утешиться, появился шанс избежать мести Совета, если я откажусь принять его предложение. В этом случае мне должно помочь волшебство Тенедоса. А после этого остается всего лишь самому спастись от мести самого могущественного в мире волшебника.

И еще: неужели я действительно полагал, что Тенедос, волшебник, никогда не забывавший и не прощавший своих врагов, – разве что на то время, пока нуждался в них, – на самом деле забудет тот удар, которым я сбил его с ног во время сражения при Камбиазо? Можно ли было поверить в то, что, если я помогу ему вернуть себе трон, он впоследствии не отвернется от меня и не обратит против меня ужасную месть, самую изощренную из всех, что способно породить его одержимое дьяволом сознание?

Мной овладела тоска, но я прогнал ее прочь, вновь вернувшись к своим грезам о Симабу, плотной стене джунглей, негромком стуке дождевых капель, о пруде, над водой которого поднимались замшелые камни, о том, как я, еще маленький мальчик, мог дважды завернуться в огромный лист, о маленьком костерке, горевшем под котелком с рисом и фруктами, которые мне удалось набрать. Я вспоминал напоминающие лай крики оленя-замбара, отдаленное ворчание тигра и то, что мог вглядываться в завтра, не испытывая страха, а лишь ожидая чего-то обещанного.

Неожиданно для себя самого я заметил, что мои губы шевелятся и я шепчу молитву маленьким домашним богам: Вахану, обезьяньему богу Симабу, и Танису, богу-покровителю нашего рода.

Должно быть, я заснул, потому что следующее, что увидел, был Дубатс, обращавшийся ко мне, и яркий солнечный свет, бивший в окна. Ко мне явились посетители.

– Пришли его... или ее сюда, – сказал я, ощущая беспричинную веселость.

Визитерами оказались командир хранителей мира Эрн и его адъютант, мускулистый здоровяк с лицом, изборожденным шрамами. Его звали Салоп.

Я не знал, было ли известно советникам, что Эрн ненавидел меня по множеству причин, и одной из них было то, что я обнаружил обоз с его личными припасами, когда мы удирали из Джарры. Его солдаты, ковьяльвшие босиком по снегу, в то время были счастливы, если им удавалось раз в два дня разжиться куском мяса от промерзшего трупа давно павшей лошади. Я приказал раздать все деликатесы воинам и сказал Эрну, что если он не выполнит мой приказ, то я сорву с него погоны и выдам солдатам, что, в общем-то, означало смертную казнь.

Посетители были вооружены мечами и кинжалами. Оба были одеты в серую с красным форму хранителей мира; правда, мундиры у них были украшены золотыми нашивками, как и подобает людям, для которых занимаемое положение – это все, а честь – ничто. Эрн держал в руке пакет, который положил на стол.

– Мой человек, Каталька, сообщил мне, что тебя доставили в Никею, – холодно сказал Эрн. – Наши Великие Советники просто глупцы: они всегда уверены в том, что могут использовать моих воинов, а я ничего не узнаю об этом.

– Я и понятия не имел, что ты не был посвящен в их план, – ответил я.

– Не считай меня дураком, – огрызнулся Эрн. – Я знаю, что они уже решили вернуть тебя обратно и сделать из тебя шавку, чтобы ты хватал за пятки своего прежнего хозяина.

– Учитывая ваше собственное поведение, я думаю, что вы вряд ли можете называть кого-нибудь шавкой, – не задумавшись ни на мгновение, парировал я.

Салоп зарычал и шагнул вперед. Эрн схватил его за руку.

– Нет, – сказал он, – мы поступим не так. Салоп злобно хмыкнул и отступил в сторону, не сводя с меня взгляда.

– И они не только возвращают тебя назад, но и хотят позволить тебе украсть мою славу, отдать тебе моих воинов. Наглые засранцы!

– Наверно, они считают, что ты не смог бы вывести лошадь из горящей конюшни, – сказал я, не желая думать о том, какотреагирует на это Эрн, а лишь радуясь возможности пнуть в ответ одного из тех, кто так долго топтал ногами меня. – Не скажу, чтобы я был согласен с твоим безумным предположением, будто Совет собирается облегчить тебе жизнь.

– А ты сможешь уничтожить императора? – зло бросил Эрн и фыркнул. – Единственное, что может сломить этого ублюдка, – это возвращение короля Байрана, который бросил дело на полдороге.

– Ты говоришь как истинный нумантиец, – саркастически заметил я. – А что потом? Может быть, ты думаешь, что, покончив с Тенедосом, он, как в прошлый раз, послушно уберется обратно в Майсир, словно детская игрушка на резинке?

– Конечно нет, – рявкнул Эрн. – На сей раз он обязательно присоединит Нумантию к своему королевству, как ему следовало поступить уже давно. Знай, симабуанец, что я верю в непререкаемое божественное правосудие. Ирису испытал нас и счел достойными, а Байран должен вскоре понять это и принять дар, который ему так великодушно преподносят.

Я смотрел на Эрна, не скрывая жгучей ненависти.

– Мне сначала показалось, что будет приятно подразнить тебя, – сказал я. – Но давить слизняков – далеко не самое увлекательное занятие. Уходи отсюда. Убирайся. Даже у заключенного есть некоторые права.

Эрн выпрямился.

– Нет, – сказал он спокойным голосом, как будто весь его гнев мгновенно прошел. – У нас есть и другие вопросы, которые нужно решить.

Я обратил внимание на интонацию и успел сообразить, что это сигнал, прежде чем Салоп подскочил ко мне и обхватил сзади, изо всех сил прижав мои руки к туловищу. Более крупный, более сильный и более молодой, чем я, он полностью лишил меня возможности двигаться.

– Какая жалость, – сказал Эрн, – что ты напал на меня, когда я пришел к тебе с визитом, чтобы по-дружески обсудить, чем мы оба могли бы помочь Совету. Скопас и Бартоу, конечно, этому не поверят, но им придется смириться, а народ сожрет все, что мы пожелаем ему скоромить.

– Тебя следовало убить еще после Камбиазо, – продолжал он, вынимая шпагу.

Не знаю почему, но я рассматривал клинок отличной работы, рукоять из слоновой кости, золотые, усыпанные драгоценными камнями гарду и головку эфеса так, будто в запасе у меня еще оставались целые века. Свободной рукой он дотянулся до лежавшего на столе свертка, вскрыл его и с грохотом скинул на пол длинный кинжал.

– С этим вот оружием, – сказал он, – ты напал на меня. Мне с трудом удалось спастись, и то лишь благодаря проворству моего адъютанта шамба Салопа. Я буду вынужден строжайшим образом наказать охранников за то, что они позволили одному из твоих сообщников передать тебе это оружие.

– Как бы я хотел подольше насладиться твоей смертью, бывший первый трибун, – за твое чванство и за то, что ты опозорил меня перед ничтожествами, – заявил он. – Но, увы, моя история должна обладать некоторой правдоподобностью, а отсутствие носа, глаз, члена и еще чего-нибудь может затруднить объяснение.

Он отвел шпагу назад, замахиваясь, а я изо всей силы ударил затылком в лицо Салопа. Хрящ в носу хрустнул, а зубы резко клацнули. Адъютант взвизгнул, непроизвольно разжав руки, и тут я всадил локоть ему в ребра – они затрещали – и отскочил в сторону, уклоняясь от удара меча Эрна.

Он не успел остановить молниеносного выпада, и острый клинок глубоко вонзился в живот Салопа. Тот разинул рот, хватая воздух в агонии, уцепился обеими руками за лезвие,

и только потом его глаза широко раскрылись, словно он не мог поверить в случившееся, и он упал, чуть не вырвав оружие из руки своего командира.

Но у меня не было времени для того, чтобы выхватить покоившееся в ножнах оружие Салопа или достать мой собственный кинжал. Эрн стиснул зубы так, что они закрипели.

– Значит, тебе удалось убить самого лучшего из моих солдат... – прошипел он. – От этого история станет еще правдоподобнее.

Он приближался ко мне легкими шагами опытного фехтовальщика, и я понял, что обречен.

Я знал солдат, славившихся своей яростью в бою; их в это время охватывало нечто вроде безумия, под влиянием которого они думали только о том, как уничтожить своих врагов, пусть даже ценой собственной жизни. Во время нашего поражения в Камбиазо я тоже познал эту лихорадку в крови, когда пребывал в полном отчаянии, видя, что весь мой мир рушится.

Теперь это состояние снова пришло ко мне после долгих месяцев заключения, страхов и безнадежности. Предмет моей ненависти находился прямо передо мною: человек, который продал все, что люди считают дорогим для себя, начиная от собственной чести и кончая своей страной. Я рассмеялся от чистой радости. Все было легко, все было мне по силам.

Выражение ликования на лице Эрна сменилось страхом, и он принялся размахивать клинком из стороны в сторону, разом забыв обо всем, что должен был усвоить, обучаясь фехтованию: о спокойствии, о необходимости контролировать направление. Он лишь пытался защититься от меня движущейся сталью.

А у меня в запасе было много времени; я отступил, уклоняясь от беспорядочного движения оружия, и сильно ударил тыльной стороной кулака по клинку, который, казалось, висел передо мной неподвижно.

Стальное лезвие разлетелось на три части, которые, беспорядочно крутятся в воздухе, медленно разлетелись в стороны, а Эрн тупо уставился на обломок меча, зажатый в его кулаке.

Потом он бросил его и потянулся за кинжалом, но было уже поздно, слишком поздно, и я схватил его за горло, сдавив шею с обеих сторон, ощущая пульсацию крови; мои пальцы смыкались все сильнее, как когти орла, а его лицо вдруг налилось кровью, рот раскрылся, и язык вывалился наружу; а я поднял его – человека, почти не уступавшего мне ростом, – над полом и потряс, как затравленный медведь трясет слишком дерзко приблизившуюся к нему собаку.

Я услышал хруст позвонков, голова Эрна обвисла набок, и сразу же вокруг распространился резкий запах дерьма, которое выпустило из себя его мертвое тело. Опустив труп на пол, я отступил назад.

Красный гром, стучавший в моих висках, утих, и я посмотрел на трупы двоих мужчин, занимавших высшие военные посты в Нумантии.

Теперь у меня не оставалось выбора.

3 ПОБЕГ

Лучше быть убитым во время бегства, как обычно бывает с кабанами, чем принимать благородную оборонительную стойку напоподобие оленя. Я расстегнул форму Салопа, стянул ее с мертвеца и, пытаясь не обращать внимания на влажное темное пятно спереди, надел на себя.

Я проверил кошельки у обоих и выругался сквозь зубы, обнаружив, что у Эрна ничего нет. Зато у Салопа было полно золота и серебра. Командир миротворцев был, наверно, из тех чванливых типов, которые считают, что платить – занятие для черни. Хотя, возможно, он был просто неисправимым охотником пожить за чужой счет.

Я взял и свои собственные монеты, кинжал, который дал мне Перак, а обманчиво невинную с виду смертоносную железную дужку сунул в карман.

Потом я надел оружейную перевязь Салопа, отодрал аксельбант от мундира Эрна, связал им ботинки Салопа, повесил себе на шею и был готов двинуться в путь. Затем я спохватился, взял украшенный драгоценными камнями кинжал Эрна и, еще немного подумав, эфес его шпаги, спрятав и то и другое под полу куртки.

Последнее, что я забрал с трупов, была оружейная перевязь Эрна. Я отцепил от нее ножны и повесил ее петлей себе на шею. Обдумав все три варианта побега, я выбрал тот, который казался мне самым простым, хотя именно этот путь грозил наибольшей опасностью для жизни.

Судя по положению солнца, мне предстояло выждать еще более получаса, и я лишь надеялся на то, что Дубатс не придет, чтобы осведомиться, не нужно ли что-нибудь его командиру. Но Эрн вполне мог приказать не беспокоить его во время свидания с узником до особого распоряжения, поскольку ему, конечно, совершенно не хотелось, чтобы кто-нибудь пялил глаза на то, как он будет убивать заключенного.

Раздался сигнал горна, извещавший о том, что сейчас охранники соберутся во внутреннем здании и начальник тюрьмы начнет объявлять о взысканиях, поощрениях и всяких служебных мелочах, примет отчет ночной смены; затем произойдет проверка и смена постов, и свободная от караула часть гарнизона разойдется по столовым, находившимся в верхней части внутреннего здания. Но им еще предстоит узнать о моем бегстве и решить, как меня ловить, так что мне было бы лучше слишком не задерживаться.

Я выбрался из окна ногами вперед и начал спускаться по стене, сложенной из больших, грубо обработанных камней и походившей на настоящую скалу. Камни отделялись один от другого широкими щелями – поэтому я и выбрал этот вариант спуска. Кожа на пальцах рук и ног сразу же оказалась ободранной, но я старался не обращать на это внимания. Какой-нибудь хиллмен, скажем Йонг, смог бы пробежаться вверх и вниз по подобной скале, будучи в стельку пьяным, обнимая одной рукой похищенную девицу и, в придачу ко всему, распевая государственный гимн Кейта.

С меня хватило и того, что я не срывался, и это было лишь одной из тех забот, которые владели мною. Второй, куда более серьезной, было то, что кто-нибудь мог взглянуть на башню, увидеть там одетого в серое дурака, который вот-вот должен свалиться вниз, и поднять тревогу. Во всяком случае, солнце снижалось, и меня прикрыла тень. Однажды я решился взглянуть вниз и увидел на берегу Латаны мальчишку, палившего на меня глаза. Я взмолился про себя, чтобы это оказался противный маленький бездельник, рассчитывающий увидеть, как я разобьюсь о камни, а не добрый почитатель Ирису, благословенная душа которого заставит его помчаться к сторожевому посту перед башней и сообщить о том, что происходит над головами у охранников.

Вероятно, он действительно, как я и надеялся, оказался более кровожадным, нежели бдительным, ибо до моего слуха не донеслось никаких тревожных криков, так что я решил выкинуть его из головы и полностью сосредоточился на спуске: вытягиваю одну ногу вниз, шарю там в поисках щели, обнаруживаю ее, затем переношу вес на эту ногу, убедившись предварительно, что пальцы не соскользнут, сгибаю ее и принимаюсь нашаривать следующую точку опоры другой ногой.

Прошло три или четыре столетия, прежде чем я решился снова посмотреть вниз. Я находился футах в тридцати надо рвом, и от воды меня отделяла полоса гладко отполированного камня, благодаря которой я в свое время решил, что мне не стоит волноваться из-за опасности нападения с этой стороны.

Грязно-зеленая вода производила поистине отталкивающее впечатление, и я очень надеялся на то, что никому не пришло в голову еще больше обезопасить башню, напустив в ров ядовитых водных змей. Но даже если никаких змей там не было, вид все равно был неприятным, и я как можно крепче вогнал пряжку ременной перевязи в трещину, чтобы отыграть у высоты еще несколько футов, спустился на руках до конца, глубоко вздохнул, посильнее оттолкнулся от стены и разжал руки.

Шум, сопровождавший мое падение в воду, мог бы соответствовать разве что грохоту, который издает играющий в океане кит, обрушиваясь в волны после высокого прыжка. Я пошел в глубину, не думая ни о грязной воде, ни о ее возможных обитателях. Падая, я сжался в комок, как поступал, когда еще мальчиком бездумно прыгал в незнакомые реки, не удосужившись проверить, нет ли там подводных камней, и быстро начал подниматься к поверхности.

Я находился примерно в тридцати футах от опущенного разводного моста, на котором торчали двое стражников. Они не могли не слышать моего падения.

– Помогите! – крикнул я сквозь воду, надеясь, что зеленая тина скроет мое лицо. – Помогите... я упал... я не умею плавать... – с этими словами я подплывал все ближе к ним, бестолково размахивая руками.

Один из стражников подошел к краю, наклонился, протянул мне руку – я вцепился в нее, как настоящий утопающий, – и вытащил меня на сушу, как пойманную рыбу. Но эта рыба не намеревалась попасть на сковородку; я перекатился, ударил спасителя ногой, и тот растянулся.

Второй, сообразив, кто находится перед ним, потянулся к своему оружию, но я, не теряя ни мгновения, вонзил кинжал Перака ему под ребра по самую рукоятку. Он разинул рот, но, не успев издать ни звука, умер. Я тут же обернулся и перерезал горло его напарнику, прежде чем тот успел прийти в себя. Вложив кинжал в ножны, я спрятал его под куртку. В одной руке я держал меч Салопа, а в другой его кинжал – он был подлиннее.

На другом конце разводного моста находились еще двое стражников, и они уже бежали ко мне, нащупывая на ходу рукояти мечей. Я сделал обманное движение мечом, проткнул живот первого кинжалом и, уже падающего, толкнул его под ноги товарищу. Тот подался назад, увидел угрожающее движение моего клинка, заверещал, как попугай, которого ухватили за хвост, и спрыгнул в ров.

Пока что все шло неплохо. Я миновал сторожевую будку, торопливо отодвинул засов на воротах, вышел наружу – сзади все еще не было слышно никаких криков – и даже потратил несколько мгновений на то, чтобы задвинуть засов на место, и даже несколько раз стукнул по петлям эфесом кинжала, надеясь, что это хоть немного заклинит ворота.

И вот я оказался на свободе – пусть хотя бы на мгновение, – на свободе на улицах Nikei! Я увидел того самого мальчишку, который все так же не сводил с меня глаз, почувствовал, что мне хочется кинуть ему монету за то, что он не вмешался, и пробежал мимо него. Он повернулся и стал глядеть мне вслед, все так же сохраняя безмолвие, а я успел мельком подумать: то ли он немой, то ли просто очень уж медлительный.

Этот рукав Латаны был узким. В нескольких сотнях ярдов от того места, где я находился, через нее был перекинут горбатый мостик, ведущий к городскому центру. Я устремился к нему, заметно удивив своей поспешностью горстку горожан, прогуливавшихся в сумерках. Обратив на это внимание, я взял себя в руки и пошел не спеша, как подобало хранителю мира, надеясь, что никто не обратит внимания на то, что на голове у меня нет шлема, с мундира на мостовую льется вода, на животе пятно – даже в полумраке нельзя было не узнать кровь, – а в обеих руках обнаженные клинки.

Тут я наконец-то услышал крики, грохот лошадиных копыт и оглянулся. Три всадника в сером обмундировании хранителей мира выехали на набережную, явно намереваясь поймать меня. Я не впал в панику, а, напротив, продолжал идти размеренным шагом.

Сзади слышались крики:

– Эй ты, стой! Держите его! – А затем лошади ударились в быстрый галоп.

Всадники были вооружены копьями и на скаку направили их на меня. Я не знал, было ли им приказано убить меня, равно как и не имел понятия, представлял ли я действительно серьезную ценность для их Великого Совета, но время для того, чтобы выяснять этот вопрос, сейчас было явно неподходящим.

В общем-то, пеший имеет немного шансов устоять против нападающего конника, но если пеший не паникует и не пускается наутек, словно жирный гусь, которого насаживают на вертел, чтобы изжарить, позволяя противнику пронзить себя копьем, то он может и победить в этом сражении.

Трое против одного... Какие у меня были преимущества? Во-первых, я имел дело с необученными кавалеристами: у всех троих ноги свешивались с седел под нелепыми углами, они неправильно держали свое оружие, а острия копий мотались из стороны в сторону, вместо того чтобы точно нацелиться на выбранный объект. Во-вторых, их было трое, и каждый стремился убить меня; так что они должны были помешать друг другу.

Когда они оказались в тридцати футах от меня, я отскочил в сторону, как будто собирался прыгнуть в реку. Ближайший из преследователей дернул узду влево, отчего его лошадь преградила путь следующей. Вторая лошадь вскинулась, чуть не упала, и первый был вынужден отпустить поводья. Третий тем временем приблизился ко мне почти вплотную, так что я сместился в сторону и, ударив мечом по копы, направил его вниз, в бульжники, которыми была вымощена набережная. Острие воткнулось между камнями, а всадник вылетел из седла, описал в воздухе высокую дугу, громко завопил и упал как раз на мой подставленный клинок. Первый заставил свою лошадь сделать круговой поворот на месте, но я изловчился и вонзил клинок ему в бок. Глухо вскрикнув, он свалился с лошади.

Последний из нападавших, похоже, лучше умел ездить на лошади, да и острие его копья почти не колебалось. Я выжидал, пока он пустит лошадь в галоп, и стоял неподвижно, позволяя ему атаковать меня первым, а сам старался в это время успокоить дыхание. Я не боялся, зная, что мое тело само найдет способ отразить любую атаку.

Но мой противник неожиданно повернул лошадь и галопом помчался обратно к башне, издавая бессвязные испуганные вопли.

Я поспешно направился в другую сторону, не забыв на сей раз убрать оружие в ножны. Переходя через мост, я пытался сообразить, что же мне делать дальше. Справа от меня располагался богатый район, в котором, как я вспомнил со щемящей болью, я жил со своей покойной женой. Впереди и слева раскинулись рабочие районы Никеи, и я решил направиться именно туда.

Дважды мне повстречались городские стражники, но, заметив пятна на моей форме, они поспешно заходили в первые попавшиеся лавки, явно не имея ни малейшего желания выяснять, в каком кровавом деле я был замешан.

Я дошел до рыночной площади – захудалого места, где лишь в нескольких лавках торговали новыми товарами по высоким ценам, а во всех остальных можно было найти лишь предметы первой жизненной необходимости. Над одной из дверей я заметил вывеску «Мы покупаем старую одежду» и решил зайти туда.

Лавочник, тощий лысый человек в грязной одежде, бросил лишь один взгляд на мою окровавленную униформу и оружие и сразу поднял обе руки.

– Я вас не видал. Честно. Берите все, что п'желаете... Вы никогда туточка не были, а я-то как раз подышать вышел...

– Стой, где стоишь, – приказал я. – Я не сделаю тебе ничего плохого.

– К'нешно, к'нешно. Я и подумать-то не мог, что вы можете сделать чегой-то худое... – бормотал лавочник.

– Отвернись.

– К'нешно, к'нешно. Только не бейте меня в спину, сэр, я вам клянусь, что никому никогда ни словечка... только, п'жалста, не убивайте меня. У меня жена, трое, нет, уже четверо детишек, не оставляйте их нищими, – продолжал причитать он, глядя в стену.

Я слушал его вполуха, торопливо перебирая сложенную стопками одежду.

Мне попались темно-коричневые мешковатые брюки, довольно близкий по цвету шерстяной пуловер, предыдущий владелец которого, возможно, даже помылся разок-другой на протяжении этого столетия, шляпа, в которой я должен был казаться сущим болваном, и, что самое главное, мешок с пришитыми вручную лямками, с которым мог бы бродить бедный торговец из глухой провинции. Я скинул свою униформу, велел владельцу не поворачиваться, чтобы он не смог заметить, что я выбрал, и поспешно переоделся. Свою главную приметку – длинные белокурые волосы – я укрыв шляпой, положил оружие в мешок и бросил на пол две золотые монеты.

– Жди столько времени, сколько нужно, чтобы песок в часах пересыпался полностью, – приказал я. – А если не послушаешься, то готовься к самому худшему!

– Нет, сэр, ни в к'ем случае, сэр, я не повернусь, у вас будет столько времени, любые часы-весы... сп'сибо, что вы не лишили меня м'ей жалкой жизни, что жена с д'тишками не пр'падут с голоду... – Под эти непрерывные причитания я вышел из лавки и направился прочь, думая о каких-то совершенно невинных вещах.

Я дошел до середины площади и собрался было свернуть в узкий переулок, когда позади раздались крики:

– Вор! Вор! Держи вора! Он ограбил м'ня, украл м'ё серебро! Держи его! – Это был, конечно, торговец одеждой.

Я выругался про себя, пожалев, что не зарезал его, юркнул в переулок, вышел на другую улицу, свернул на улицу пошире, ведущую в более уважаемый район, и постарался принять как можно более беззаботный вид. За квартал от себя я увидел кучку стражников, направлявшихся в мою сторону, пристально рассматривая каждого прохожего. Возможно, это была всего лишь обычная проверка, а может быть, и нет...

Я искал магазин, галерею, переулок, в который можно было бы свернуть, но ничего подходящего не попадалось. По обеим сторонам улицы тянулись высокие дома, некогда принадлежавшие богачам, а теперь обветшавшие, как и вся Никая. Однако на противоположной стороне улицы я заметил нечто вроде ниши, в которой стояли три женщины.

Может быть, одна из них жила в этом доме и могла бы из сострадания помочь мне... Я пожалел, что выбрал самую простую одежду: сейчас мне не помешало бы выглядеть более преуспевающим горожанином. Приблизившись, я понял, что передо мной три проститутки, стоявшие здесь в ожидании первого клиента на эту ночь. Взглянув на меня, одна из них заученно проговорила:

– Похоже, что вам нужна подружка.

Вторая рассмеялась, видимо, поняв, что такой бедняк, каким я был с виду, не мог бы позволить себе нанять даже самую дешевую шлюху, а третья промолчала.

Похоже, мне выпал еще один шанс.

– Очень может быть, – решительно ответил я.

Та, что заговорила первой, и та, что смеялась, занимались этим делом уже не первый год, и улица оставила на их облике неизгладимый след. Третья была самой молодой – ей, похоже, еще не исполнилось двадцати – и вы глядела гораздо чище своих подружек. Не кажись она столь несчастной, то она была бы даже симпатичной. Девушка была одета в голубое платье с высоким стоячим воротничком, напомнившим мне о форме, которую носили в женских лицах. Платье первоначально было длинным и имело расклешенную юбку, но сейчас юбка была укорочена до середины бедер, и вдобавок на платье был вырезан круг, обнажавший почти весь живот.

Я улыбнулся ей. Она была в первый момент ошеломлена, а затем ответила мне принужденной улыбкой.

– Я ничего не имел бы против такой подружки, как ты, – сказал я, стараясь копировать провинциальный диалект, который хорошо помнил по разговорам моих воинов. – Ежели, конечно, у тебя неподалеку найдется местечко, куды можно было бы пойти на ночь.

Девушка глубоко вздохнула и вышла из ниши.

– Ты все делаешь не так, Линтон, – сказала та женщина, которая смеялась. – Вспомни-ка, чему мы тебя учили: коли парень небогат с виду, сперва проверь, какого цвета у него серебро.

Девушка, которую назвали Линтон, остановилась.

– Вы сможете заплатить? – послушно спросила она. Я порылся во внутреннем кармане куртки, вытащил несколько медяшек, а затем неохотно, как и подобает страннику, демонстрирующему все свое достояние, извлек пару серебряных монет.

Обе шлюхи постарше явно удивились.

– Знаете, – сказала первая из них, – раз уж у вас есть такие деньги, то вы можете взять двоих из нас... а то и всех трех. Ежели пожелаете добавить еще одну монетку к этим двум.

– Не, – вяло ответил я. – Я не из тех парней, которым нравится так веселиться. Мне нужно самую малость: кто-нибудь, чтобы согреть мне постель, да еще, пожалуй, маленько пожрать.

– У меня есть подходящее место, – с легким нетерпением в голосе сказала Линтон. – И, если хотите, мы можем по дороге зайти к бакалейщику. – В отличие от своих подружек, она говорила заметно культурнее.

– Зайдем, – согласился я.

– Молодым везет, – пробормотала вторая из женщин. – Может быть, нам тоже повезет, и мы найдем интересных господ.

Я одной рукой обхватил Линтон за плечи; в первый момент она невольно напряглась, но затем пересилила себя и послушно прижалась ко мне. Мы пошли навстречу стражникам, а они лишь мельком окинули нас взглядами, когда мы с ними поравнялись. Неизвестно, кого они искали, но дурно одетый человек в компании местной гулящей девицы нисколько их не заинтересовал.

Мы миновали два квартала, и девушка остановилась возле бакалейной витрины.

– Это лучшая лавка в округе, – сказала она. – Или, может быть, вы хотите найти что-нибудь подешевле?

– Это мне годится, – ответил я, покупая хлеб (он оказался настолько свежим, что я, казалось, мог бы по запаху найти печь, где его испекли), немного копченой колбасы, пару кусков сыра различных сортов, свежие помидоры с огурцами и хорошее оливковое масло – все то, что хотя и редко, но попадало в мою тюрьму на острове.

– Вы забыли вино, – удивленно заметила девушка.

– Я не пью, – ответил я, и это была чистая правда, поскольку алкоголь всегда оказывал на меня одно и то же воздействие: лишал меня сообразительности, заставлял совершать дурацкие

поступки, а по утрам я больше всего желал покончить с собой и с трудом терпел муки до тех пор, пока мне не становилось лучше.

К груде покупок я добавил мыло и зубную щетку и расплатился, не позволив ни Линтон, ни лавочнику заметить мое золото. Мы вышли на улицу, миновали еще несколько кварталов и дошли до довольно внушительного здания, которое, похоже, сохранилось гораздо лучше, чем соседние дома. Миновав три марша лестницы, мы оказались на площадке, на которую выходили только три двери, из чего я сделал вывод, что некогда этот дом принадлежал весьма состоятельным жильцам. Девушка постучала в одну из дверей два раза, а затем еще три.

– Здесь полно воров, – объяснила она.

Дверь открыл немолодой мужчина с седыми щетинистыми усами. Он взглянул на меня, крепко стиснул зубы и быстро отвел взгляд.

Я был рад, что он не стал меня рассматривать, так как узнал его. Это был домициус Берда – я не мог вспомнить его первое имя, – командовавший пехотным полком во время восстания Товиети, суровый служака, мало склонный к милосердию, но, в отличие от очень многих солдат, чрезвычайно справедливо относившийся как к тем, кого вешал на фонарных столбах, так и к тем, кого освобождал.

Я вошел внутрь и порадовался тому, что квартира – она оказалась примерно такого размера, как я и ожидал, – была погружена в полумрак, так что узнать меня было почти невозможно. В комнате было совсем немного мебели: кушетка с приставным столиком, три лампы, огромный буфет, в котором я заметил лишь несколько блюд, и любовно отполированный длинный стол, годящийся для банкета человек на двадцать. На стенах до сих пор висело несколько картин, но я разглядел и темные пятна, оставшиеся на месте снятых.

На кушетке сидела хрупкая женщина, жена Берды, с большими грустными глазами и изможденным лицом. Она пристально посмотрела на меня, но не сказала ни слова.

Над головой у нее, на стене, висел старый меч Берды.

Тут не требовалось никаких объяснений. Я еще на острове услышал о том, что все солдаты, уцелевшие после императорских войн, были уволены из армии без какого-либо пособия или пенсии от Совета, предоставлены своей собственной судьбе и каждый выкручивался как мог. А какими талантами, помимо готовности страдать и терпеть, обладало большинство солдат, от рядовых до генералов? Мало-помалу домициус Берда продал все, что имел, и теперь стремительно скатывался к нищете.

На меня нахлынул приступ ярости. Правда, я не знал, против кого она обращена. Против Берды, разрешившего дочери пойти на панель? Против его жены? Против поганцев из Великого Совета? Против императора? Или, может быть, против самих богов? Я поторопился взять себя в руки.

Линтон, очевидно, ожидала от меня каких-нибудь слов, и мое молчание встревожило ее.

– Пойдемте, – прошептала она. – Тут, рядом, моя комната.

Я последовал за нею, и мой гнев прошел, как только я вошел в детскую – да, это была настоящая детская маленькой девочки, где на полках еще сидели куклы, лежало несколько разноцветных мелков, которые так любят дети. Со всем этим совершенно не вязалась огромная двуспальная кровать, вероятно, появившаяся здесь после того, как Линтон начала торговать своим телом.

За окнами заметно потемнело, и девушка зажгла две свечи, взяла у меня свертки и принялась разворачивать их.

– Я принесу для вас тарелку, – все так же шепотом сказала она. – И чего-нибудь попить.

– Воды, – попросил я и уставился на деликатесы, которые, по моим расчетам, должны были послужить прекрасным ужином. Весь мой аппетит куда-то пропал. Линтон возвратилась с хрустальным бокалом прекрасной работы, но с треснувшим основанием, и с другой посудой.

– Присаживайтесь, – предложила она. – Вот, давай те я нарежу вам колбасу.

– Погоди. Скажи-ка мне сперва кое-что, – остановил я ее, заранее зная ответ. – Эти люди в той комнате – твои родители, не так ли?

Она кивнула.

– А что у них будет на обед?

Линтон откровенно удивилась.

– Мы... у них есть еще немного хлеба, оставшегося со вчерашнего дня. А мама два дня назад сварила суп.

– Отнеси им вот это, – сказал я, кивнув на разложенную на столе снедь. – И вот еще. – Я достал из кармана серебряную монетку. – Если твой отец пьет вино, то пусть купит себе бутылку.

– Но... вы сами...

– Я внезапно вспомнил, что сегодня день одного из наших семейных богов, – не моргнув глазом солгал я. – Когда собираешься распутничать в такой день, то не стоит вызывать их гнев, учитывая при этом, что я много чего успел натворить в жизни.

Линтон застыла, не зная на что решиться.

– Шевелись, девочка, – мягко приказал я, и она повиновалась.

Я улегся на кровать, спрашивая себя, что же мне делать дальше. Она скоро возвратилась, посмотрела на меня и улыбнулась.

– Мы благодарим вас, – сказала она. – Вы хороший человек.

– Нет, – возразил я, мотнув головой и стараясь, что бы в моем голосе не было слышно гнева. – Боюсь, что таких в наши дни совсем не осталось.

Она села на кровать и положила ладонь мне на бедро.

– Нет, они еще остались, – ласково сказала она, а потом встала и начала медленно расстегивать платье. – Я вам понравлюсь, – пообещала она. – Уверю вас. Я сделаю все, что вы только пожелаете, и... и мне это тоже понравится. Все, что угодно.

Платье упало к ее ногам, и она переступила через него. Под платьем у нее оказался только крохотный лифчик; легкое движение пальцев – и он тоже мягко упал поверх платья. Ее обнаженное тело было еще совсем свежим, с маленькими грудями и чуть заметно курчавившимися волосами на лобке.

Мое орудие напружинилось так, что, казалось, могли лопнуть штаны. Это было... я не мог вспомнить, сколько же лет прошло с тех пор, как я в последний раз был с женщиной. Когда же?.. О великие боги, я занимался любовью с Алегрией в ту ночь, когда она умерла, давно и далеко, в заледеневших суэби Майсира. Странно, я был уверен в том, что воспоминания умерят мой пыл, но этого не произошло. Алегрия, самая большая любовь в моей жизни; Маран, моя бывшая жена; Амизель Кальведон, которая любила нас обоих, – все они промелькнули в моей памяти, и я осознал, что с тех пор прошло очень много времени и воспоминания о них сейчас имеют надо мной не больше власти, чем любые другие.

Я очень хотел встать, скинуть свою крестьянскую одежду и овладеть этой девушкой, этой обнаженной женщиной, которая стояла, ожидая моих дальнейших действий.

Вместо этого я взял ее за руку и заставил сесть рядом с собой. Потом сам встал, подошел к моему мешку, вынул оттуда две обещанные серебряные монеты и добавил третью.

– Я один из тех, – обратился я к ней, – кому нравится разнообразие.

Линтон попыталась скрыть испуг, промелькнувший в ее взгляде, и нервно облизала губы.

– Я сказала: все, что угодно, и именно это имела в виду, – ответила она.

– Больше всего я люблю смотреть на спящих женщин, – сообщил я.

– Что?

– Когда я был мальчиком, – принялся я на ходу сочинять историю, – мне очень нравилось подсматривать сквозь дырку за соседской девушкой. Она была намного старше меня и, конечно, совершенно не обращала на меня внимания. Каждую ночь она готовилась отходить

ко сну, расчесывала волосы – они были темными, как у тебя, – а потом ложилась, голая, и рассматривала что-то такое, чего я не видел. Возможно, это был портрет человека, в которого она была влюблена. Я не знаю. Затем ее глаза закрывались, и она засыпала.

– И вот это вы любите? Я кивнул.

– Вы даже не собираетесь что-нибудь делать... после того, как я засну?

Я покачал головой.

– Это... – она осеклась.

– Странно?

– Да.

– Зато мне это нравится. – Я вложил ей в ладонь монеты.

Я встал, подошел к стоявшему поблизости стулу и уселся. Девушка продолжала глядеть на меня, наверняка ожидая, что я вытащу хлыст или что-нибудь в этом роде, а затем поджала ноги и легла на спину.

– Может быть, вы хотите, чтобы я поиграла сама с собой?

– Нет.

Линтон еще несколько секунд лежала неподвижно.

– А что потом случилось с этой девушкой?

– Она убежала с солдатом, – сказал я. – Когда мне было всего лишь десять лет.

– Вы женаты?

– Да, – ответил я. – У меня трое ребятишек и четвертый на подходе.

– И вам все равно нравится...

– Да. Когда глаза у тебя закрыты.

Девушка промолчала, а я сидел неподвижно. Ее глаза открылись еще раз-другой; она посмотрела на меня, а потом веки плотно сомкнулись, дыхание стало ровным, но я все еще ждал. Потом она начала посапывать. Я укрыл ее одеялом, нашел среди кукол ту, которую, как мне показалось, девушка должна была особенно любить, и положил рядом с нею.

Я выпил воду из бокала, улегся скрючившись на полу, попытался подсчитать, сколько раз я за сегодняшний день сваял дурака, и вскоре тоже уснул.

Я всегда мог проснуться точно в то самое время, которое назначал себе. Вот и в этот раз я раскрыл глаза примерно за час до рассвета. Линтон крепко спала, прижимая к себе куклу, которая перебралась под одеяло.

Я решил еще раз сваять дурака и, вынув все золото, которое оказалось в кошельке Салопа, положил его на кровать рядом с нею. Потом я бесшумно покинул квартиру и вышел под морозящий утренний дождь.

– А могу ли я поинтересоваться, какое у вас ко мне дело? – спросил худой, чуть ли не изможденный человек, на носу которого с трудом держались большие очки.

– Вы покупаете драгоценные камни?

– Это написано на моей вывеске.

– У меня есть кое-что на продажу, – сказал я. – Наследство моего дяди. Он почти всю жизнь был солдатом, а на прошлой неделе умер.

Я вынул обломок меча Эрна и его усыпанный самоцветами кинжал. Конечно, история получалась гниловатая, но я не смог изобрести ничего лучше.

Ювелир внимательно посмотрел на то и другое, перевел взгляд на меня, а потом опять уставился на оружие.

– Как я понимаю, это был офицер, – сухо заметил он.

– Нет, сэр. Но он сражался против каллианцев и рассказал мне, что это оружие принадлежало одному из знатных господ, которых он убил в сражении.

Человек кивал, продолжая рассматривать оружие.

– Если вы говорите правду, – задумчиво сказал он, – в чем у меня нет, конечно, ни малейшей причины сомневаться, то за эти предметы, без сомнения, можно было бы выручить большие деньги у коллекционеров. И еще больше, если бы вы смогли вспомнить имя дворянина, у которого их отобрал ваш дядя.

Я покачал головой.

– С тех пор как я услышал эту историю, прошло уже немало лет. Мой дядя умер месяц назад, и я подумал, что в городе мне дадут за них лучшую цену.

– Вы правы, в городе покупателей на такие вещи, конечно, гораздо больше, чем в провинции, – согласился ювелир. – Если продавать их в том виде, в каком вы их принесли, то потребуется значительно больше времени, чтобы найти подходящего покупателя, хотя я на вскидку могу назвать троих, которых это оружие должно заинтересовать. Есть и второй вариант: вынуть камни из оправы и расплавить золото и серебро, которые я в таком случае куплю по цене лома, и ни грошом дороже.

– Это меня вполне устроит.

– Даже немного жаль уничтожать такую работу, хотя она, на мой вкус, слишком аляповата, – продолжал ювелир, – но зато в таком случае драгоценные камни почти невозможно опознать.

Я прикинулся озадаченным.

– Я не понимаю вас.

– Конечно, конечно. А теперь, если вы позволите, я хотел бы отлучиться на минуту, чтобы вызвать моего партнера.

Он чуть заметно растянул губы в улыбке и направился в глубину своей лавки.

– Если ваш партнер носит серую униформу или похож на городского стражника, – сказал я ему вслед, – то у вас не хватит времени на то, чтобы получить какую-нибудь награду.

Ювелир снова улыбнулся.

– Я не люблю общаться с агентами правопорядка еще больше, чем вы, если, конечно, такое можно представить, – ответил он и исчез за занавеской.

Его не было почти десять минут, и я чуть было не решил удрать. Несколько раз я открывал дверь и высовывался наружу, с беззаботным, как мне казалось, видом оглядывая улицу в обоих направлениях, чтобы не оказаться захваченным врасплох?

Ювелир возвратился в обществе женщины, которая была по-настоящему огромной: не просто жирной, но огромной во всех измерениях.

– Интересные предметы вы нам предложили, – сказала она, и ее голос соответствовал габаритам. – А почему вы выбрали нашу лавку?

Я ответил совершенно честно:

– Она оказалась второй, на которую я наткнулся. В первой витрине не было выставлено ничего стоящего, и поэтому я решил, что я не получу там своей цены.

– У вас есть какой-нибудь Талант? – внезапно спросила женщина.

Я почувствовал холодок.

– О волшебстве я не имею ни малейшего представления.

Женщина нагнула голову, отчего затряслись ее многочисленные подбородки.

– Эти самоцветы очень дороги, – сказала она. – Что бы купить их, нам придется заплатить вам большие деньги. Как вы желаете совершить сделку?

– Я предпочту получить золото, причем в мелкой монете. Там, где я живу, очень трудно с разменом крупных монет, – ответил я.

– Легко нести, легко тратить, – согласилась она. – Вы намерены потратить их здесь, в Никее?

– Ваш вопрос не из тех, на которые я имею обыкновение отвечать.

– Значит, вы собираетесь путешествовать, – утвердительно произнесла женщина, как будто я своими словами удовлетворил ее любопытство. – Но не скажете мне куда.

Я покачал головой, как бы невзначай запустил руку в мешок и взялся за рукоять меча.

– Мы не желаем вам никакого вреда, – сказала женщина, – в отличие от многих других обитателей Никеи, которые сбились с ног, разыскивая мужчину с длинными белокурыми волосами, красивым лицом и крепкого сложения.

– Но это не я, – отозвался я, стараясь говорить беззаботным тоном, – поскольку я никому не причинил зла.

– В наше время, – возразила женщина, – злом является полное беззаконие.

– Это-то я видел.

– Как бы вы отнеслись к тому, если бы я сказала: наверху, в нашей собственной квартире, есть большая ванна; моя собственная ванна. Вас это могло бы заинтересовать? – спросила женщина. – А в кабинете рядом с ванной найдется пузырек с краской, которая быстро превратит белокурого человека в черноволосого. Причем человек может войти туда с длинными волосами, а выйти с короткой стрижкой.

Я пристально вглядывался в ее лицо.

– А каким может быть ваш интерес в моих делах?

Она пожала плечами:

– Нам нравится видеть наших клиентов счастливыми.

Внезапно ситуация показалась мне очень забавной, и я рассмеялся.

– Насколько все это уменьшит цену, которую вы мне заплатите?

– Ни на грош, – ответила она. – Я намеревалась предложить вам две сотни и еще семьдесят пять... – она взяла кинжал и еще раз осмотрела его, – нет, три сотни и еще семь монет золота. Это составит что-то между четвертью и половиной той цены, которую за эти драгоценные камни дадут на ювелирном рынке. Я могла бы добавить, что, если бы была бесчестной, каковой я не являюсь, или скупала бы краденое, чего я тоже не делаю, то взяла бы себе еще десять процентов от цены.

– Я слышал об этом. Мне подходят ваши условия.

– Ничего подобного вы не слышали, – отрезала женщина. – Вы боитесь змей?

Я посмотрел на нее, раскрыв глаза от удивления.

– Полагаю, не больше, чем любой разумный человек. Я без колебания убью ядовитую рептилию, но среди них много и таких, которых можно назвать друзьями человека, питающихся вредными насекомыми и другими ползучими гадами.

– Это хорошо, – заметила она. – Теперь я должна узнать, по меньшей мере, в каком направлении вы собираетесь идти.

Я был ошеломлен ее сверхъестественным напором, но решил подчиниться, хотя тут же понял, что до сих пор не решил, куда мне бежать дальше. На север? Я не знал ни единого человека в Дельте, как, впрочем, и на востоке, в пустынях. На юге, вверх по Латане, я мог бы найти кое-кого из старых товарищей, которые помогли бы мне укрыться. Но на самом деле у меня оставался только один вариант.

– Я отправлюсь на запад, – сказал я.

– Я так и думала, – серьезно произнесла женщина. – На самый дальний запад, в джунгли. Ответом ей послужил мой безмятежный взор.

– Что ж, очень хорошо, – продолжала она. – А теперь отправляйтесь наверх и снимите эту ужасную одежду. Потом вымойтесь, а я сама займусь вашими волосами. – И добавила, заметив выражение моего лица: – Не тревожьтесь. Сомневаюсь, что вы сможете показать мне что-нибудь такое, чего я не видела бы давным-давно у моего мужа и шестерых сыновей. Я сказала, идите! – В ее голосе прозвучала сталь, как у сержанта, занимающегося с новобранцами, и я повиновался.

Через полчаса я был чист, а еще через полчаса оказался коротко остриженным брюнетом. Я стоял голый перед толстухой, а она вручала мне одежду. Все было чистым, хотя и не раз заштопанным; штаны принадлежали пехотинцу, рубаха была сшита из домотканого полотна, но плащ с капюшоном тоже был солдатского образца.

– Надевайте это, – приказала хозяйка. Я послушно напялил одежду, которая пришлась впору, а женщина обратилась к своему мужу: – Ну, как?

– Солдат, ушедший в отставку после заключения мира, – отозвался тот. – Уже некоторое время скитается и берется за любую работу, которую ему предлагают. Так как он все еще носит при себе свой меч и нож, то, судя по всему, этот человек привык иметь дело со смертью.

– Отлично, – одобрила она. – Как раз такой облик ему и нужен. Таких людей редко беспокоят на дорогах, поскольку у них никогда не бывает с собой серебра, а медяшки, которые можно было бы у них найти, не стоят того, чтобы проливать из-за них кровь. На него почти не будут обращать внимания, если он сам не выдаст себя во время поездки в Симабу.

Я аж подскочил.

– Откуда вы знаете? – пробормотал я (конечно, это был не самый тонкий из дипломатических ходов, которые мне когда-либо приходилось совершать).

Она смерила меня загадочным взглядом и сменила предмет разговора.

– Еще одна деталь, – сказала она, открывая маленькую коробочку и что-то вынимая из нее. – Посидите не двигаясь. – С этими словами она прижала что-то к моей левой скуле и провела до края подбородка, бормоча при этом нечто невнятное. То, что она приложила к моему лицу, оказалось слизким и холодным, но почти сразу же нагрелось и перестало ощущаться на коже.

– Какого...

– У хорошего солдата, – вмешался ее муж, – как правило, имеется один-другой шрам. У людей есть кое-какие любопытные особенности, – продолжал он. – Они замечают какую-то часть ваших примет и забывают обо всех остальных. Так что вы станете просто человеком со шрамом, и никому не придет в голову обратить внимание на форму вашего носа или цвет глаз.

– Это средство используют артисты, – пояснила женщина. – Оно сделано с помощью магии, так что вы можете мыться, есть, плавать с ним и не беспокоиться, что оно отвалится. Чтобы убрать этот шрам, нужно сказать заклинание. Запомните эти слова хорошенько, так как я сомневаюсь, что вам удастся вернуться сюда, что бы освежить их в памяти: «Энем, энем, летек нисрап». Повторить два раза.

Я несколько раз мысленно проговорил заклинание.

– Запомнили?

Я кивнул.

– Внизу есть хлеб, сыр и вода, поскольку вина вы не пьете, – продолжала распоряжаться женщина. – Ешь те побыстрее, так как скоро сюда придет ваш новый наниматель.

Худой человек протянул мне увесистый мешочек, завязанный прочной тесьмой, но я лишь взглянул на него, так как все еще не мог прийти в себя после той осведомленности, которую выказала женщина.

– Повесьте его себе на шею. Грудь у вас широкая, так что кошель не будет заметен. А теперь поторопитесь!

От человека сильно пахло потом, хотя выглядел он опрятно, несмотря на всклокоченную бороду, на нем были тяжелые ботинки, теплые штаны и рубашка, мало подходившие для тропического климата Никеи.

– Меня зовут Якуб, – сказал он со счастливой усмешкой. – Пойдем, познакомимся с моими детками на заднем дворе.

Там оказалась ручная тележка с дюжиной клеток, в каждой из которых сидела большая змея. Некоторые из них медленно сворачивались в кольца, другие, казалось, спали, а несколько

безостановочно скользили по полу клеток вдоль прутьев в бесконечных поисках выхода на свободу.

– Якуб, – наставительно проговорила женщина, – предложил тебе (поскольку речь шла об отставном солдате, нанимавшемся на грошовую работу, то она обращалась ко мне на «ты») шесть, нет, восемь медяшек и оплату проезда, если ты поможешь ему с его имуществом перебраться через Латану. Сходни на пароме и все такое прочее очень ненадежны, и Якубу требуется хороший сильный человек, которому ничего не страшно. Я также сомневаюсь, станет ли кто-нибудь из стражников внимательно рассматривать такой груз... или его владельцев. Лучше всего будет, если вы отправитесь не медленно, так как ближайший паром, который пересекает всю Дельту, отправляется через два часа.

Якуб рассмеялся, подпрыгивая и приседая.

– Да, да, прочь из города; снова туда, где мы будем свободны и далеки от всех камней и грязи. – Он вновь захихикал, а я задумался над тем, все ли в порядке у него с головой. Но это не имело значения.

Я поклонился женщине, затем ее мужу.

– Благодарю вас, – сказал я. – Я не знаю, почему вы оказали мне помощь...

– Это был не мой собственный выбор, – ответила она, – а приказ, но вам не нужно знать, от кого он исходил. Хотя я должна была помочь вам, невзирая ни на что, это связано с тем, что... что должно принести будущее. Запомните это, Дамастес а'Симабу, а также зарубите себе на носу, что все изменяется и ничто никогда не повторяется в точности. Вопреки тому, что утверждает ваша вера, не существует никакого Колеса, а есть лишь Путь, который идет в одном направлении безвозвратно, а то, что мы совершаем на этом Пути, определяет, как он должен завершиться.

Я (в который уже раз) уставился на нее широко раскрытыми глазами, а женщина протянула мне руку. Я пожал ее; в этот момент ее блуза чуть-чуть приоткрылась, и я увидел смертоносный желтый шнур-удавку Товиети!

4

РАЗОРЕННАЯ СТРАНА

Для того чтобы катить тележку со змеями по Никее, я оказался идеальным работником: с крепкой спиной и полным отсутствием на лице каких-либо признаков умственной деятельности. Я лишь краем глаза видел, что происходило на заполненных людьми улицах, проталкиваясь мимо бормочущих жрецов, взволнованных торговцев, прогуливающихся бездельников, но мои мозги в это время лихорадочно работали, пытаюсь понять, с какой стати Товиети решили помогать мне. Из слов женщины я ясно понял, что это было не ее личным актом милосердия, а решением, принятым кем-то, занимавшим высокое положение в иерархии культа.

Честно говоря, я не понимал вообще ничего. Сначала Товиети были анархической сектой, поклонявшейся хрустальному демону Тхаку. В основном они занимались тем, что душили более зажиточных, чем они сами, людей своими желтыми шнурами и отбирали их имущество. С ними жестоко расправились – я думал, что они вообще истреблены, – во время их бунтов еще до того, как Тенедос овладел тронном и Провидец своими руками уничтожил Тхака.

Спустя десять лет они появились снова, но на сей раз без божества и даже без предводителей; по крайней мере, так сказал мне Кутулу, главный шпион императора. Они все так же продолжали угрожать уничтожением всех государств и низвержением всех богатых и могущественных, ибо только тогда, по их понятиям, могла восторжествовать справедливость. У них и на самом деле не было верховного руководства, они действовали маленькими группками. Конечно, в один прекрасный момент у них мог появиться настоящий вождь, но они не нуждались в нем до тех пор, пока не наступит некий определенный день и не придет тот человек, которого они ожидают.

Они дважды покушались на мою жизнь: первый раз в моем Водном Дворце, а второй раз – в имении моей бывшей жены в Ирригоне. Тогда они убили брата Маран, графиню Амиэль Кальведон и нашего с ней нерожденного ребенка; в то время распался и наш с Маран брак.

Во время войны с Майсиром я иногда замечал признаки их присутствия: порой где-то мелькал обрывок желтой шелковой удавки; чаще на глаза попадался значок в виде перевернутой буквы «U» или же красный круг, символизирующий их мучеников, с гнездом змей, поднимающих головы над лужей крови.

После того как Нумантия потерпела поражение и попала под власть Майсира, а императора и меня посадили в тюрьмы, я больше ничего не слышал об их действиях, а мои тюремщики даже не могли сказать, существуют ли они еще. Хотя теперь мне было ясно, что они все так же активны и обладают немалым числом сторонников, ибо откуда в противном случае эта великанша могла бы узнать о том, кто я такой, какие у меня привычки, а затем найти способ помочь мне бежать?

Разве не был я самым злостным из врагов Товиети после Тенедоса?

Во время отступления из Майсира, высоко в горах Спорных Земель, бородатый старик напомнил мне о пророчестве, сделанном при моем рождении: что я мальчик, едущий верхом на тигре, что тигр восстанет против меня, но моя жизнь окажется длиннее, чем я смогу рассчитывать. Но цвет нити моей жизни станет ярко-желтым, а сама нить окажется шелковой, как шнуры-удавки сторонников Товиети.

Старик закончил свои слова загадочным высказыванием: «Почему зло не может превратиться в добро, если добро будут считать злом?» Это было все, что он сказал, и, похоже, его цинизм в полной мере соответствовал как его долгу, так и его чувству юмора.

Пока что эта фраза не обрела для меня никакого подобия смысла.

Как и предсказывала женщина-Товиети, причал парома на берегу Латаны был полон стражников, а трое стояли возле трапа, ведущего на наше судно. Чем ближе мы подходили к ним, тем больше Якуб приговаривал себе под нос, хихикал и то и дело принимался ласкать своих змей длинным перышком, просовывая его сквозь ячейки клетки. У меня появились немалые сомнения насчет того, в какой степени он на самом деле безумен.

Мы добрались до трапа, и один из стражников заученно рявкнул:

– Имена, место назначения, где живете? – Затем он оторвал взгляд от своего планшета, увидел не более чем в футах от своего лица головку одной, наиболее любопытной кобры, бойко покачивающуюся из стороны в сторону, взвизгнул таким фальцетом, которому позавидовал бы и евнух, отскочил назад и едва не свалился в воду. Весьма удовлетворительно.

Разозлившись из-за проявления слабости, но все еще не избавившись от страха, он что-то еще бессвязно прорычал, а его товарищ поспешно распорядился:

– Эй вы, ублюдки! Марш на борт! Но если хоть одна клетка раскроется, ответите головой! – Он даже не взглянул на билеты, которые Якуб пытался всучить ему.

Якуб сунул их в карман, пропел чуть слышно:

– Они пригодятся для другого раза. – И велел мне следовать за ним с тележкой. Паром был переполнен, но все с величайшей готовностью уступали нам дорогу.

– Мои красотки любят быть в серединке, да, в серединке, – счастливым голосом пел Якуб, – чтобы никакой качки, никакого волнения, чтобы ничего не тревожило их сердечки, не сердило их, чтобы им не захотелось укусить кого-нибудь своими красивыми зубками... Ведь вы же вовсе не хотите этого, мои красотишки? – И мы очень быстро нашли место для тележки под навесом на главной палубе, откуда открывался вид на корму и гребные колеса. Ремни привода были вырезаны из кожи слонов, буйволов, волов, а затем в них магическим способом внедрялась мощь убитых животных, так что никакая «реальная» сила для передвижения не требовалась.

Колеса тележки крепились чеками, и поэтому снять их с осей оказалось очень легко. Я надежно привязал тележку к каким-то торчавшим из палубы штырям.

– Спокойная река, тихий ветерок, – приговаривал мой «хозяин», – но мы не допустим никаких случайностей, нет, нет, и не позволим моим красавицам выскочить наружу и приняться играть в свои игры.

Он осмотрел завязанные мною узлы и удовлетворенно кивнул.

– Ну что, сейчас пойдем под крышу и заморим червячка? Что ты на это скажешь, солдат?

Я был действительно голоден, но уже давно заметил возле стола в общем зале четверых суровых хранителей мира.

– Э-э... нет, — сказал я. — Я уже поел. Раньше. И еще не очень голоден.

Якуб скептически посмотрел на меня:

– Солдат, и не голоден? Несмотря на бесплатный харч: – Затем ему что-то пришло в голову, и он захихикал: – Ах-ах-ах! Это от воды? Морская болезнь?

Я постарался принять смущенный вид.

– Один моряк учил меня, – продолжал тараторить Якуб, – что лучше всего взять кусок сырой свинины – хороший, жирный – и привязать его на нитку. Проглоти его, дай ему помочиться у тебя в желудке вверх и вниз, а потом вытащи обратно. После этого ты сразу выблюешь все, до последней капельки, и будешь чувствовать себя прекрасно. Но когда ощутишь во рту что-нибудь круглое и волосатое, быстро глотай, потому что это будет твоя собственная задница! – После этих слов он так расхохотался, что с трудом устоял на ногах.

– Но если ты не против, — добавил он, отсмеявшись, – я посмотрю, нет ли у них здесь овсянки или чего-нибудь в этом роде. А ты в это время покараулишь красоток, ладно?

С этими словами он смешался с толпой. Я не собирался есть на глазах у хранителей, поскольку не был уверен в надежности моей маскировки и сопровождавшего ее колдовства, и

к тому же все еще сомневался в том, что толстуха говорила насчет надежности изготовленного ею шрама.

Я заявил в пространство:

– Не вздумайте шутить со мною, – что было чуть ли не открытым объявлением войны всем окружающим, поправил перевязь на груди, затем одну ногу вытянул вперед, положил обнаженный клинок на колени, держа шпагу одной рукой за эфес, и накинул на голову капюшон. Это должно было полностью симитировать привычку опытного солдата спать вполглаза при любых условиях.

Невдалеке от причалов к реке спускались ступени; в этот жаркий полдень они были заполнены купающимися. Среди них оказалась довольно симпатичная обнаженная женщина на несколько лет моложе меня, присматривавшая за своим выводком, состоявшим из маленького мальчика и пятерых его сестер. Все были голенькие, похожие одна на другую, самой старшей было не более десяти лет, и все они копошились на отмели, громко плескаясь и поднимая пену.

Женщина носила на талии золотую цепочку, и я припомнил давно минувшие времена, как отплывал на «Таулере» на юг к моему первому месту назначения в 17-й Уланский и купавшаяся девушка с похожей цепочкой призывно улыбнулась мне. Я подумал, не могла ли это оказаться та же самая женщина, усмехнулся своему дурацкому романтизму, но пожелал про себя, чтобы это было так, чтобы ее выводок говорил о ее счастье, а куда более дорогая цепь на поясе – о свободе от лишений.

На капитанском мостике проревел хриплый горн, и пассажиры как по команде бросились к борту, чтобы взглянуть, как начнут крутиться колеса. Я же смотрел на людей, удивляясь тому, насколько по-разному все они были одеты, в отличие от стражников или солдат, и в который раз сознавая, как сказала на них война. Это были не те люди, которые путешествовали в мирные времена. Как всегда, в толпе находилось немало бродячих торговцев, но большинство из них имели собственных охранников, а по возрасту были или очень молоды, или, напротив, уже достигли преклонных лет, и лишь очень немногие пребывали в подходящем возрасте для людей, считающих опасность нормой своей жизни.

Здесь находилась стайка танцовщиц, оживленно болтавших между собой об отдаленных городах Нумантии, но шелка их одежд были тусклыми, а стиль соответствовал давно минувшим годам. Было несколько семейств, направлявшихся в отпуск, как богатых, так и бедных. Я видел фермеров из Дельты с задубевшими от работы руками и лицами, вполголоса обсуждавших последний урожай риса и бедность рынков.

Затем перед моими обутыми в сандалии ногами возникли две пары тяжелых ботинок, и я увидел ноги в серых форменных брюках. Моя левая рука неподвижно лежала на рукояти кинжала Перака. Если меня опознают, то я смогу убить одного, отбросить второго в сторону и выпрыгнуть за борт, прежде чем кто-нибудь успеет хоть что-то сделать.

– Что скажешь, неплохой спутник для путешествия? – произнес голос. Я понадеялся на то, что он не ждет ответа именно от меня, и оказался прав. – Ну, его то самого собственная внешность несколько не беспокоит, – откликнулся второй голос, затем оба рассмеялись и двинулись дальше, а я вновь позволил себе начать нормально дышать.

Дождавшись, пока паром достигнет середины реки, и улучив момент, когда на меня никто не смотрел, я вытащил из потайного кармана амулет, полученный от Тенедоса. Немного подержав его на ладони и собираясь с мыслями, я почувствовал, что он стал нагреваться, и поспешным движением выкинул похожий на монету кружок за борт.

Пусть он поищет меня среди рыб.

Миротворцы выгрузились на второй пристани, после чего я сказал Якубу, что овсянка, которой он все же меня накормил, принесла несказанную пользу моему брюху, так что теперь я смогу одолеть немного твердой пищи.

Как и на большинстве речных судов, на этом пароме кормили хорошо, особенно таких путешественников, как мы, оплативших переправу через всю Дельту. Я заранее представлял себе, как буду с наслаждением вкушать то один, то другой вид жареного или же копченого мяса, но на деле с удовольствием пожирал кучи свежих фруктов и овощей, особенно бобы, блюдами из которых так славится нумантйская кухня. Мой организм сам подсказывал мне, что ему требуется. Лишь вдоволь наевшись овощей, я отдал должное мясу.

Якуб был заметно ошарашен моим аппетитом и, похоже, задавал себе вопрос, не разбудил ли он какого-нибудь демона. Я не стал рассказывать ему об убийственном однообразии тюремной пищи, которое нисколько не зависит от умения готовящего ее повара, и о том, что через некоторое время от такого питания самый строгий аскет при первой возможности превратится в обжору.

Якуб осмотрительно расходовал принадлежавшее ему – или Товиети – серебро и решил не тратиться на каюту, а спать на палубе. Это было рискованно, так как воры, обычно имевшиеся в судовых командах, с наступлением темноты принимались шарить по палубам. Эти паромы печально прославились количеством ограблений, насилий и даже убийств, которые случались, если палубные пассажиры решали слишком уж отчаянно защищать свои кошельки.

Однажды кто-то осторожно приблизился к нам, но услышал постукивание о палубу моего обнаженного клинка, и так же неслышно удалился. В следующий раз я проснулся от шума и увидел двоих сцепившихся между собой мужчин; один был пожилым, а второй молодым, и у молодого на боку я заметил эфес шпаги. Он не замечал меня, пока я не насел ему на спину и не обрушил на голову удар кулака с зажатым в нем самодельным кастетом. Старик застыл на месте, а я выкинул неудачливого грабителя за борт и вернулся в тень, прежде чем старик успел прийти в себя.

Я увидел его на следующий день; он переходил от человека к человеку, вглядываясь в лица и пытаясь разыскать своего благодетеля... или, возможно, найти убийцу, чтобы сообщить о нем судовым офицерам. Но он тоже не решился приблизиться к моим змеям, и на этом инцидент был исчерпан.

Через пять дней мы достигли дальнего берега Дельты, снова поставили тележку на колеса и выгрузились в маленьком порту Кальди. Завернув на рынок, мы купили там зебу, веревочную упряжь для него и запрягли животное в тележку. За городом пролегал тракт, идущий с севера на юг.

– Здесь мы расстанемся, солдат, – сказал Якуб. – Я иду на север, туда, где старый император формирует свою армию. Он наберет немало колдунов, колдунам нужны заклинания, а творя заклинания, никак не обойдешься без змей. – Он захихикал. – У меня есть еще много всякой всячины, которая может ему потребоваться.

Я скептическим взглядом окинул его лохмотья и тележку.

– Да, да, да, – рассмеялся он. – Кажется, будто там ничего нет, ведь правда? Как такая вот тачка может спрятать своего владельца, так змеи и змеиное дерьмо могут спрятать... о, много-много всего интересного.

– Много-много... – повторил он, но тут его плечи внезапно вздрогнули, а я с неожиданной для меня самой нежностью распрощался с ним.

Я провожал его взглядом, пока он не превратился в чуть заметную точку на пыльной ленте дороги, лениво думая о том, что могло быть спрятано в опилках и песке, покрывавших днища клеток со змеями. Золото? Алмазы? Секретная информация? Этого я не знал... Зато одну вещь я знал совершенно точно: этот Якуб, человек со змеями, ни в малейшей степени не был сумасшедшим и, вероятно, был намного нормальнее меня самого.

Я свернул с тракта и отправился по извилистой проселочной дороге, забиравшей к западу и юго-западу.

В сторону Симабу. К моему дому.

Той же ночью возле небольшого костерка, на котором я жарил неосторожного зайца и картофель, вырытый на одном из придорожных полей, я дважды повторил заклинание, которое должна было удалить шрам. Сначала я чуть не ударился в панику, так как долго не мог вспомнить нужные слова, но затем они благополучно сложились в уме, а шрам тут же упал мне в ладонь, и я откинул его в сторону.

Бороду я решил не брить, хотя мне это очень не нравилось. Но я подумал, что она, несомненно, послужит хорошей маскировкой.

Я проделал очень длинный путь, почти в двести лиг. Но мне не пришлось все время идти пешком. Частенько попадались попутные караваны или одинокие телеги фермеров, направлявшихся в соседнюю деревню или возвращающихся домой с рынка. Когда путники понимали, что я не намерен применять свое оружие против них, то не без удовольствия позволяли воину присоединиться к ним.

Все же достаточно часто случалось и так, что при виде меча они принимались подхлестывать лошадей или же, если имели собственную вооруженную охрану, требовали, чтобы я убирался с дороги, пока меня не прикончили. Мне приходилось повиноваться, испытывая при этом немалое сожаление, так как я помнил мирные времена при императоре, когда часто повторяли поговорку, что, дескать, юная девственница, если бы захотела, могла бы пешком пересечь все королевство, держа по мешку золота в каждой руке.

Конечно, это была пустая пропагандистская болтовня: несчастная дуреха вряд ли успела бы отойти на одну лигу от своей деревни, как тут же оказалась бы обобранной и приобрела бы первый и наверняка очень неприятный опыт половой жизни. Но все равно эти слова оставались в ходу как один из примеров того, чем следовало гордиться в прошлом.

Война не коснулась этих мест, по крайней мере впрямую, и почва оставалась все такой же темной и плодородной, а оросительные каналы широкой сетью расходились от рек, продолжая нести жизнь земле.

Но их плотины прогнили, поля очень часто оказывались невозделанными, берега каналов тут и там обрушивались, подмытые водой, часть протоков заросла травой, как будто земля истощилась и была заброшена.

Шел Сезон Зарождения; фруктовые деревья только-только начинали цвести, но неубранные с осени прошлогодние плоды до сих пор гнили под деревьями или висели, засохшие, на ветках.

При моем приближении с деревьев слетали коршуны, и их резкие крики казались в тишине безлюдья оглушительными.

На попадавшихся время от времени фермах трудились женщины, старики, дети.

А где же мужчины, молодые и средних лет? Ответ на этот вопрос по всей земле давал однообразный шепот: «Ушел в армию, ушел на войну, ушел к императору, ушел в Майсир, ушел на Колесо и так и не вернулся...»

Проходил день за днем, и погода становилась все теплее; я с радостью встречал освежающие дожди. Я путешествовал в темпе, который выбирал сам, и это происходило впервые за всю мою жизнь; мне не требовалось оказаться где-то в точно определенное время, спешить подавить восстание, принять команду над незнакомой частью, разбираться с упрямым бароном или же вести и обучать солдат.

Я совсем не встречал хранителей мира, и это меня несколько не удивляло, так как при малочисленности их корпуса они должны были ограничивать свою деятельность городами, а все, кого можно было снять из гарнизонов, вероятно, торопились на юг, туда, где воссоздавалась армия Тенедоса. Немногочисленные стражники, попадавшиеся в маленьких деревнях, проявляли очень мало интереса ко всему, что не касалось их дел впрямую, и, уж конечно, избегали задевать хорошо вооруженного мужчину, путешествовавшего в одиночку.

Я останавливался, когда мне того хотелось, иногда помогал возделывать землю или делать какую-нибудь тяжелую работу, с которой не могла справиться вдова фермера со своими детьми. Постепенно ко мне стали возвращаться навыки, приобретенные в детстве, когда я помогал арендаторам моего отца пахать, пасти и случать скотину. Я мог работать час или весь день, а клал в свой мешок немного свежей еды – никакой другой платы я не хотел.

Я также восстанавливал и другие навыки: сделал пращу из хорошо выдубленной кожи, которую нашел в одной из заброшенных деревень, и как следует воспользовался ею во время путешествия, охотясь на замбаров, которые благоденствовали в заброшенных полях и садах, ловил силками одичавших цесарок, кур и уток.

Я был одинок и очень доволен жизнью.

По большей части мое путешествие проходило спокойно и без приключений. Но все же кое-что из случившегося я запомнил навсегда...

Телега была опрокинута, ее поклажа разбросана совсем рядом с тем местом, где дорога проходила под насыпью, очень удобной для засады.

На земле валялись три мужских трупа, а тело женщины наполовину свешивалось с телеги. На лице женщины застыло выражение ужаса, а в груди зияла широкая рана.

Пятеро детей, три мальчика и две девочки, были связаны между собой, как утки, которых собираются нести на продажу. На лицах старших отчетливо читалась ненависть, а у младших – один только ужас.

На обочине дороги сидели, по очереди прикладываясь к бурдюку с вином, восемь мужчин.

Я приблизился к ним, держа в руке обнаженную шпагу.

Один из сидевших встал и сделал несколько шагов мне навстречу. Он был рослым и широкоплечим, с длинной бородой, а на боку у него висела тяжелая палица.

– Приветствую, – произнес он.

– Ваша работа? – показал я на убитых.

– А то чья же, – отозвался он. – Этот проклятый болван, сельский говноед, решил покочевряться. Да ведь, блоха ему в ухо, мы не хотели ему ничего дурного. Забрать себе самую малость из его товара да чуток по забавиться с бабой, и ничего больше. Так нет же, он прикончил двоих наших, а потом и свою бабу, прежде чем мы с ним совладали. А все дело того не стоило, – продолжал он. – Так что возьмем молодых, посмотрим, как нынче идет торговля, хотя детей в последнее время предлагают более чем достаточно, вплоть до грудных.

Ежели вон той больше девяти лет, то мы, может быть, оставим ее себе да подучим чему надо. Хотя нет у нас на это ни времени, ни привычки. Ты не хочешь купить одного-другого?

Я покачал головой.

Человек, разговаривавший со мной (без сомнения, предводитель банды), посмотрел на меня повнимательнее.

– Ты, похоже, знаешь, что такое драка. Не желаешь присоединиться к нам? Дела у нас идут так, что лучше и не захочешь. Кроме нас, в округе нет ни одной банды.

– У меня есть свои дела, – твердо ответил я. Человек хмыкнул.

– Я тебя предупредил. В эти времена, да в одиночку, на дороге может оказаться тяжело, особенно когда некому посторожить ночью да порой прикрыть тебе спину.

– Меня все это нисколько не пугает, – сказал я. – Для таких вещей у меня есть демон-охранник.

На лице моего собеседника появилось встревоженное выражение. Двое из его людей вскочили на ноги, делая какие-то непонятные знаки.

– Спасибо, что предупредил, – сказал он. – В таком случае, проходи. Прходи, да поживее.

Я ничего не ответил и пошел дальше. Той ночью я устроил привал подальше от дороги и не разводил костер, но этих людей мне больше не привелось увидеть.

Я попытался выкинуть детские лица из памяти, но мне это не удалось. А что я мог сделать? Их было восемь человек против меня одного; любой нормальный воин постарается уклониться от боя при таком соотношении сил.

И все равно во рту у меня еще долго оставался горький привкус пепла.

Ферма когда-то процветала: я разглядел с дороги три хлева, птичник с двориком для кур, птичник с прудом для уток, конюшню, длинный барак для работников и крепкий двухэтажный хозяйский дом. Сейчас поля заросли сорняком, в амбарах было пусто, хоть шаром покати, а в домах, естественно, никто не жил.

Двуногие и четвероногие мародеры могли спокойно ходить по развалинам, выбирать себе то, что хотелось забрать, и портить то, что им не было нужно. Но кое-что все же уцелело: мне удалось найти мужскую блузу и мешковатые штаны, которые вполне можно было носить, и я решил, что стал богачом, так как обзавелся сменой к той одежде, которая была на мне.

Я нашел на кухне два котелка; в одном из них должна была свариться неосмотрительная куропатка, которую я сбил камнем, а в другом – густой суп из различных диких трав. Я давно задумал его приготовить и по дороге к ферме собрал все, что было нужно. А тут нашлись и не вызвавшие интереса у грабителей специи в маленьких горшочках, так что мне удастся хорошо поесть и поспать в сухом месте: издалека доносились постепенно усиливающиеся раскаты грома, и я был рад, что этой ночью окажусь под крышей.

Увидев отблеск на полу в большой комнате хозяйского дома, я сначала удивился, как это грабители могли не заметить монету, но, нагнувшись, поднял с пола маленький литой металлический флажок Нумантии. Я знал, что это такое, так как мне уже приходилось видеть не одну сотню таких значков.

Заранее зная, чего следует ожидать, и в мыслях называя себя дураком, я все же потер пальцами флажок, и тут же передо мною неведомо откуда возникли две фигуры. Это были молодые люди, почти что юноши, наверняка родные братья; одному было на вид не более девятнадцати лет, а второй казался еще года на два моложе. Головы у них были выбриты наголо, а одеты братья были в однотонную, без всяких знаков различия форму, которую выдавали новобранцам в имперской армии.

Оба застенчиво улыбнулись, а потом младший заговорил:

– Папа, мама, как мы вам нравимся? Нам не разрешили оставить волосы, но взамен дали эту одежду. Разве мы не похожи на солдат?

Второй весело рассмеялся.

– Он думает, что похож на солдата. Я так не считаю. Но здесь стараются научить нас этому, и мы упорно трудимся и, конечно, не попадем в какую-нибудь беду.

Первый сделался серьезным.

– Говорят, что мы скоро пойдем на юг, к границе, а затем в Майсир, чтобы помочь императору уничтожить тамошнего злодея-короля. Молитесь о нас.

Второй кивнул:

– Да, пожалуйста. Но... но не волнуйтесь. С нами не случится ничего плохого, мы вам обещаем.

Оба еще немного постояли, улыбаясь, а затем исчезли.

Как я уже сказал, мне приходилось и ранее видеть такие флажки. Волшебники, большинство из которых вряд ли умели больше, чем любой деревенский знахарь, действительно во множестве посещали армейские лагеря, хотя комендантам и полагалось всеми силами гонять их прочь оттуда. Они предлагали новобранцу встать перед собой, произносили заклинание, позволявшее остановить мгновение, вкладывали это мгновение во флажок, или детский кинжалчик, или игрушечную лошадку и запечатывали там изображение и слова каплей юношеской

крови или слюны. Естественно, молодому солдату приходилось платить, и немало, за такое послание, а оно тем или иным путем добиралось до тех, кому было предназначено.

Я попытался представить себе, где же в Майсире эти мальчики расстались с жизнью. В Пенде? В обширных пустынных суэби! В Иртинге? В Джарре? В Сидоре?

Или в некоем безымянном болоте во время торопливой перестрелки, после которой на снегу или в грязи остались лежать два или три трупа?

А что случилось с теми, кого они так ласково именовали папой и мамой? Почему они все бросили и покинули свой дом? Может быть, они получили известие о том, что их сыновья лежат, тяжелораненные, в каком-нибудь госпитале, все бросили, поехали на помощь и запутались в сетях войны? Никто, кроме Ирису, не мог этого знать. Ирису и, возможно, Сайонджи. Я содрогнулся, а гром загрохотал громче.

И все же я взял кастрюльки и специи и, покинув ферму, нашел жалкое убежище в роще деревьев на расстоянии полумили от домов. Я не верю в призраков, но на этой ферме они обитали.

Однажды моим глазам представилось странное зрелище. Девять или десять юношей возраста, наверно, от четырнадцати до семнадцати лет, все одетые в фермерские блузы, топали по дороге следом за мужчиной, который был облачен в старую запрещенную форму имперской армии. Я удивленно уставился на этого самозванца, когда мы сошлись поближе, а он бодро приветствовал меня воинским салютом.

Я не слишком уверенно ответил на приветствие и представился, назвав то имя, которое выбрал себе на последние два дня.

– Я сержант-знаменщик Тагагн, в прошлом из состава Третьего Имперского гвардейского корпуса, а теперь служу лично императору, – хорошо поставленным голосом доложил он.

– Да как же такое может быть?

– Если не слишком торопитесь, то я расскажу вам. – Он повернулся к мальчикам. – Вот что, парни, садитесь здесь, вокруг меня. Устроим привал, прежде чем отправиться дальше.

Молодежь с удовольствием расселась под тенью деревьев возле обочины дороги, поставившись устроиться поближе, чтобы слышать наш разговор.

– Сержант-знаменщик?.. – задумчиво повторил я. – Но ведь императорская армия была распущена, а людей отправили по домам.

– Да кто же это сделал? Эти болваны с говном вместо мозгов, которые называют себя Великим Советом? Или грязный убийца, сидящий на троне в Майсире, который ими командует? С каких это пор император подчиняется таким гнусным вонючкам?

Я одобрительно кивал, и, возможно, на лице у меня даже появилась улыбка.

– Похоже, вы тоже некогда служили императору, – сказал Тагагн.

– Да.

– И как долго?

Я мог бы сказать ему правду – что я был первым из последователей Лейша Тенедоса. Но сказал просто:

– Довольно долго.

– В Майсире? Я снова кивнул.

– Да, это было ужасно, просто ужасно, – вздохнул он. – Но, клянусь Сайонджи, мы сражались хорошо.

Я заметил, что пара крестьянских ребятишек содрогнулась при упоминании имени богини Смерти.

– Вы правы, – согласился я. – Но они сражались лучше.

– Черта с два лучше, – возразил он, начиная сердиться. – Просто их было больше, чем мы могли убить. Сложись все по-другому, мы были бы в Джарре, носили бы шелковые мундиры, и каждый из нас управлял бы областью.

– Но ведь не сложилось.

– Но мы попробуем снова, – сказал Тагагн. – Именно поэтому эти храбрые мальчишки приняли императорскую монету. Мы направляемся в... предполагается, что я не знаю точного места, чтобы присоединиться к новой армии. Мы готовимся сопротивляться, гордимся тем, что снова пойдем под знаменем императора Тенедоса, – продолжал он, – и выкинем этих сопляков-советников из Никеи, а подонков, которые называют себя хранителями мира, утопим в Латане. Тех, которых не повесим раньше на ближайших деревьях, – добавил он. Кое-кто из юношей широко улыбнулся при последних словах. Я тоже усмехнулся:

– Согласен, что эти ублюдки заслужили, пожалуй, чего-нибудь похуже, чем просто петля на шею.

– Тогда пойдем вместе, поможешь нам, – предложил Тагагн. В его голосе зазвучали интонации опытного вербовщика. – С виду не скажешь, чтобы ты был калекой! Вернемся под знамена, парень, потому что предстоит еще не одна схватка, а Нумантия должна быть отвоевана назад.

– Нет, – ответил я. – Теперь я сам себе хозяин и намерен таким и оставаться.

Тагагн покачал головой:

– Я не стану хлопать в ладоши в ответ на эти слова, но не стану и проклинать человека, который дрался в Майсире. Но из-за границы дует сильный ветер, и ни одному человеку не удастся отсидеться за своим забором, копая собственный огорожок, до тех пор пока Нумантия вновь не станет независимой.

– Пойдем с нами, дружище, – продолжал он уговоры. – Забудь тяжелые дни и потерянных товарищей и вспомни добрые времена, товарищество, гордость своей формой и славу походов под знаменами императора. Мальчишки не знают этого, они еще не получили своей доли славы, но они к этому готовы, все они истинные патриоты Нумантии.

Честно говоря, несмотря на то что я знал, что нет ничего ужаснее войны, я все же почувствовал в словах Тагагна и долю правды, вспомнил и ту жестокую радость, которую испытывал оттого, что был воином Тенедоса. Но я помнил также и кое-что другое...

– Нет, сержант, – ответил я. – Но я как следует подумаю о вашем предложении.

– Я не буду пытаться уговорить вас, – ответил Тагагн, снова перейдя на «вы». – Вам встретятся и другие, в другое время, и, возможно, тогда вы вспомните мои слова и присоединитесь к нам, чтобы сделать Нумантию свободной.

Он не стал дожидаться ответа, а обратился прямо к своему отряду:

– А теперь поднимайтесь, парни. Нам нужно еще много пройти дотемна.

Они послушно выстроились и затопали вслед за командиром. Я провожал их взглядом, пока они поднимались на холм. Достигнув вершины, последний из юношей обернулся и помаhal мне рукой. Я помаhal в ответ и пошел своей дорогой.

Да, Нумантия не была свободной, и рано или поздно снова должна была начаться большая драка.

Но все это больше не должно иметь ко мне никакого отношения.

Эта деревня отличалась от большинства других: над некоторыми трубами поднимался дым, поля были распаханы, на лугах паслись жирные коровы; я разглядел даже, что несколько женщин чистят садок для рыбы неподалеку от селения.

Я чисто случайно заметил эту деревушку, находившуюся на расстоянии менее четверти лиги от дороги и почти полностью скрытую холмом, и, устав от собственной стряпни, решил попроситься туда на ночлег, за который рассчитывал расплатиться работой.

Тропа, ведущая к деревне, изрядно заросла травой; похоже было, что туда заходило не много путников. Подойдя поближе, я заметил, что деревня обнесена плотным бамбуковым частоколом, а ворота перегорожены тяжелым бревном, из которого вверх торчали хорошо заостренные пики из того же бамбука.

– Эй, в деревне! – крикнул я, и из близлежащего дома показались две женщины. Одна несла лук и кол чан со стрелами, а вторая была вооружена копьем.

– Стойте, где стоите.

Я повиновался, заранее зная, что последует дальше: они увидят мое оружие и остатки солдатской формы и прикажут мне убираться, опасаясь связываться с мародером.

Пока две первые женщины стояли с оружием наготове, охраняя проход с двух сторон, из другой хижины вышла третья. Она была с виду немного старше, чем я, стройная и держалась строго и независимо.

– Кто вы такой? – требовательно спросила она.

– Путешественник, – ответил я. – Называйте меня... Нурри. Я хотел бы поесть и смогу отработать свою еду.

Она пристально рассматривала меня, а я чувствовал, что ее взгляд пронизывает меня насквозь, как это бывало при общении с императором, и понимал, что она обладает некоторой провидческой силой.

Стражницы ждали ее решения.

– Он не опасен для нас, – сказала наконец старшая. – Пусть войдет.

Без единого возражения стражницы отвязали веревки и отодвинули бревно.

– Спасибо...

– Мое имя Гунетт, – представилась женщина. – Меня выбрали старостой этой деревни.

– Спасибо, Гунетт. Какая работа у вас найдется?

– Вы могли бы помочь нам наколоть дров?

– С превеликим удовольствием.

– А после этого... мы найдем для вас и другие дела.

Она загадочно улыбнулась, а одна из женщин захихикала.

Я действительно с удовольствием занимаюсь простой хозяйственной работой, такой, как колка дров, хотя когда много лет не имеешь такой возможности, то трудно сразу вспомнить, как это правильно делать. Но каждый раз опуская топор, вы вспоминаете кое-что из ваших былых навыков и спустя немного времени уже можете точно направить удар туда, куда хотите, вложить в него не больше и не меньше силы, чем нужно, и не разрубить при этом собственную ногу.

Дров здесь было много, но что из того? Я разделся до пояса, заставил свое сознание отключиться и превратился в машину. Я всегда гордился тем, что мне редко требовался клин, чтобы расколоть чурбак, и в скором времени вспомнил, как надо опускать топор, чтобы разделаться с бревном одним ударом.

Когда чурбаки почти закончились, около меня появились зрители. За мной наблюдали две девушки, похоже, не достигшие еще двадцати лет. Значит, мне следовало доиграть свою роль с блеском, и я нанес по последнему чурбаку такой удар, что поленья вертясь взлетели в воздух и со звонким стуком упали поверх кучи свеженаколотых дров.

Я поклонился, девушки рассмеялись, и одна из них бросила мне чистое полотенце.

– Меня зовут Стеффи, – сказала она, – и меня послали сообщить тебе, что скоро наступит время ужина. А мою подругу зовут Мала. – У Стеффи была длинная толстая черная коса, очень красные губы и глаза столь же черные, как и волосы. Одета она была в платье из домо-тканого холста, украшенное вышитыми цветочками, и казалась очень хорошенькой. Вторая, Мала, была несколько полноватой, но улыбалась хорошей улыбкой, а щеки ее покрывал легкий румянец.

Я вытер пот и спросил, не найдется ли в деревне места, где я мог бы помыться. Обе девушки охотно проводили меня к маленькому домику, который оказался деревенской баней. Там стояло несколько винных бочек, разрезанных пополам и превращенных таким образом в большие лохани, до половины наполненные водой. Над очагом, в котором горел слабый огонь,

висел большой котел с кипятком. Я перелил несколько ковшей кипятка в бочку, пока вода не стала приятно теплой, нашел кусок мыла, разделся, намылился и окатился водой, стоя на полу, а затем залез в лохань, чтобы немного отмокнуть.

Мне очень хотелось переодеться в чистое, но оба комплекта моей одежды оказались одинаково сильно пропитаны потом и дорожной пылью. Я наскоро выстирал и тот, и другой в тазике, расстелил один поверх моего дорожного мешка, чтобы он просох, а второй посильнее выжал и сырым надел на себя.

На одной стене висело зеркало. Я рассмотрел себя и скорчил гримасу, обнаружив, что мои черные волосы у корней вновь обрели свой естественный белокурый цвет, отчего мой вид должен был казаться несколько странным. Но с этим я ничего не мог поделать.

Возле зеркала оказался стол с различными притираниями и духами. Я нашел там крошечную бритву – такими женщины при желании выбривают себе интимные места, – направил лезвие на ремне от перевязи, густо намылил лицо и побрился, продолжая рассматривать стол.

Все, что на нем было, явно предназначалось для женщин. Неужели в этой деревне не имелось ни одного мужчины?

За ужином я выяснил, что это было не так. Но мужчин оказалось только шестеро, причем лишь один из них, лет около сорока, был хорошо сложен и обладал некоторой привлекательностью, которую не слишком портило даже туповатое, хотя и дружелюбное выражение лица. В длинном зале, представлявшем собой общую столовую, оказалось полно детей – я насчитал полторы дюжины; мальчиков и девочек было примерно поровну, и все младше десяти лет.

Женщин в деревне имелось двадцать шесть, как сообщила мне Гунетт, но некоторые из них не участвовали в трапезе, потому что стояли на часах.

– Бандиты уже пытались проверить нашу силу, – сказала она, – но, с благословения Джаккини и Паноан, нам удалось отвадить их.

– Я думаю, – сказал один из старших мужчин, не сколько похожий на учителя, попавшего сюда прямо из лицея, его звали Эдирне, – мы нанесли им такие тяжелые потери, что они больше не вернуться. Негодяи предпочитают противников послабее.

– Но мы все равно не желаем испытывать судьбу, – ответила ему Гунетт, – и поэтому наши стражники всегда начеку.

– Правильно, – сказал я. – Куда дешевле тратить попусту время, глядя в темноту, пусть даже там никого нет, чем сдуру потерять жизнь.

– Вы говорите... и одеваетесь... как солдат.

– Я прежде был солдатом, – признался я и постарался изменить тему. – Можно ли мне спросить... Здесь так мало мужчин... Это из-за войны?

– Именно так, – отозвался Эдирне.

– Нам она нанесла особенно тяжелый удар, – с горечью в голосе сказала Гунетт, – потому что многие из нас уходили из городов во время мятежей Товиети, что бы обрести более безопасную, более счастливую жизнь для себя и наших детей. Понимая, насколько спокойнее жить, находясь в полной изоляции, мы постарались укрыться от всего, что происходило в стране.

– Но поскольку мы были лояльными подданными императора, – добавил Эдирне, – то, конечно же, когда начали набирать войска, мы с энтузиазмом откликнулись на призыв, и под знамена пошло столько наших мужчин, что из них можно было составить полроты, так что у них даже был шанс остаться вместе.

Я молча ждал продолжения.

– Никто из них не вернулся, – полушепотом сказала одна из женщин, сидевших поодаль за длинным сто лом. – Мы не знаем, когда и что с ними случилось, где они погибли, не знаем даже, все ли они мертвы. Но Гунетт гадала и говорит, что почти уверена в том, что никого из

них больше нет в живых. – Она тыльной стороной ладони вытерла уголок глаза и на мгновение отвернулась.

Я с трудом проглотил какую-то пищу, которую в этот момент жевал. Жизнь всех молодых мужчин этого поселения, вероятно, пресеклась на некоем безымянном майсирском перекрестке...

– Но мы отказались признать себя уничтоженными, – заявила Гунетт. – Мы держимся и добьемся процветания, даже если боги и забудут о нас на некоторое время.

– Но вряд ли обо всем этом стоит говорить за едой, – сурово добавила она. – Беды, как и разговоры о них, не способствуют хорошему пищеварению.

Я согласно кивнул, и мы сосредоточились на еде. Она была хороша: обильно сдобренные специями очищенные крутые яйца, какая-то жареная речная рыба в остром соусе, свежий картофель, толченный с маслом и мятой, и отменно прокопченая свинина в горчичном соусе.

С одной стороны от меня сидела Гунетт, а с другой – маленькая рыжеволосая зеленоглазая женщина лет двадцати с небольшим. Ее звали Марминилл, волосы у нее были коротко острижены, а нос густо покрывали веснушки. Ее груди дерзко торчали под свободной блузкой, видимо, доставленной сюда из города. Блузка была заправлена в короткую юбку, застегивавшуюся сбоку на пуговицы.

Она спросила, не из города ли я пришел, и я, как дурак, ответил, что да, из Никеи. Она тут же захотела узнать, что носят в столице, о чем там разговаривают, какую слушают музыку.

Мне показалось, что будет неуместным признаваться в том, что я видел Никею лишь через окошечко арестантской кареты, да и то непродолжительное время, которое потребовалось мне, чтобы пробежать по нескольким ее улицам с мечом в руке, и боюсь, что большая часть того, что я наговорил ей, опираясь на воспоминания довоенных времен, оказалось возмутительно ложью. Но девушке, похоже, понравились мои выдумки. Другие разговаривали о своей работе, о посеве и уходе за растениями, а я слушал их и чувствовал себя счастливым, как будто вернулся во времена своего детства в Симабу, где об убийстве говорили лишь в том смысле, что, дескать, стоит ли деревне забить на мясо дойную корову, которая от старости уже перестала давать молоко.

Мы закончили трапезу, и несколько младших девушек убрали наши тарелки. Среди тех, кто прислуживал, оказалась Стеффи со своей подругой Малой; забирая мою тарелку, Стеффи подмигнула и улыбнулась мне, как будто мы с ней владели какой-то общей тайной.

На десерт были поданы зимние дыни и пирог из кисловатого граната.

– Я сохранила фрукты прошлого урожая, – не без гордости сказала Гунетт, – при помощи заклинания, которое сама изобрела, вспоминая работу более опытных провидцев. Я только начинала свое ученичество, когда мы... когда я оказалась здесь.

Оба блюда оказались превосходными на вкус.

– У нас есть немного бренди, – продолжала она, – которым мы торговали во время войны. У нас уже есть виноград, выращенный на привившихся черенках, но вина мы делать пока что не можем. Так что не желаете ли отведать бренди?

– Нет, благодарю вас, – отказался я. – Я вообще не пью спиртного.

– Отлично! – воскликнула Марминилл.

– Вы не одобряете алкоголь? – поинтересовался я.

– В общем, ничего не имею против. Но он сокращает вечера.

Я не понял, что она имела в виду, но не стал пытаться выяснить этот вопрос.

Когда мы разделались с десертом, Гунетт сообщила:

– Мы могли бы попытаться жить здесь как одна семья, но вообще-то мы не из тех, кто любит после еды сидеть вместе, петь и рассказывать сказки.

– Особенно, – с широким зевком добавил Эдирне, – если учесть, что эти проклятые куры начинают с самого рассвета квохтать, требуя еды.

Местные жители разбрелись по своим хижинам, а я в обществе Марминилл не спеша шел по направлению к околице.

В окрестностях стояла полная тишина; единственными звуками, нарушавшими безмолвие, были потягивание лисы где-то в отдаленной роще да басовитое уханье вылетевшей на охоту совы.

– Вы правильно сделали, – сказал я, – что уехали из города.

– Я этого почти не помню, – ответила Марминилл. – Мне было всего лишь пять лет от роду, когда родители привезли меня сюда из Сикогнара. – Она посмотрела на опускавшееся к горизонту солнце и добавила с легкой задумчивостью: – Вероятно, вы правы. Но все же как хорошо было бы знать хоть что-нибудь об остальном мире.

– В эти дни, – сказал я, надеясь, что не покажусь напыщенным балбесом, – по моему мнению, лучше иметь свой собственный мир и позволить большому миру крутиться самостоятельно. Это куда безопаснее.

– Возможно, – согласилась она. – Но иногда случается так, что большой мир настигает тебя, хочешь ты этого или нет.

Я раскрыл было рот для ответа, но потом решил про молчать.

– Не хотите узнать, где вы будете спать? – спросила моя рыжая спутница.

Я забрал из бани свой мешок и не успевшую просохнуть одежду, и спутница подвела меня к маленькой хижине на краю деревни. В ней было единственное окно, наглухо заделанное решеткой, и двухстворчатая дверь. Обстановка внутри оказалась на удивление небогатой: неожиданно большая кровать и два длинных деревянных сундука, выполнявших роль невысоких столов. Марминилл зажгла свечу, и в домике воцарилась неловкая тишина. Я потянулся, услышал, как связки в плечах захрустели после непривычной работы, и потер шею рукой.

– Хотите, разомну вам шею? – спросила Марминилл. Я удивленно взглянул на нее. – Я очень хорошо умею расслаблять мускулы, – пояснила она.

При свете свечи, к которому добавлялся тусклый закатный свет из окна, она казалась очень хорошенькой.

– Если вас это не затруднит.

– Тогда лягте, пожалуйста, – попросила она. – На живот.

Я повиновался, а она села мне на поясницу, и ее руки начали мять мне спину. Это было очень, очень приятно.

– Не могли бы вы... снять рубашку? – проговорила она, и ее голос прозвучал низко и чуть хриловато. Она соскользнула с меня, а я снял рубаху и отложил ее в сторону. Затем я услышал шелест ткани, и девушка вновь уселась на меня. Но на сей раз вместо материи я почувствовал шелковистую кожу, нежное прикосновение волос, а действия ее больше напоминали ласку, чем настоящий массаж. Мы с ней как по команде задышали чаще.

– Не могу сказать, чтобы это и впрямь расслабляло мои мускулы, – сказал я. – Но по крайней мере один из них, похоже, наоборот, затвердел.

– Неужели? – прошептала она. – Тогда, может быть, ты перевернешься на спину, и мы посмотрим, что же можно сделать?

Она вновь соскользнула с меня, и я послушно перевернулся. Девушка стояла рядом со мной, совершенно голая, и я увидел, что соски на ее грудях затвердели. Она наклонилась, расстегнула, а затем стащила с меня штаны. Мое оружие торчало, словно железная палица.

– О боги, – воскликнула она, – какой же ты большой. Но, может быть, нам удастся сделать с этим мускулом что-нибудь такое, чтобы он смог расслабиться?

Я протянул руки, легко уложил женщину поверх себя и просунул свой язык к ней в рот. Ее язык с готовностью ответил моему и крепко прижался к нему, ее руки крепко обняли меня, легонько царапая мне кожу коротко подстриженными ногтями, и мы долго-долго длили наш поцелуй, а наши ладони скользили по телам друг друга.

– Да, – чуть слышно выдохнула она, – ну же... Сделай это со мной.

– Еще нет, – ответил я и легонько прикусил зубами каждый из ее сосков, затем крепко, взасос, поцеловал ее в живот и наконец провел языком по ее влажным половым губам и с силой облизал ставший твердым клитор.

– Ну, пожалуйста! – почти взмолилась она, широко раздвигая ноги и выгибаясь всем телом. – Ну же, прошу тебя, скорее!

Я улегся на нее сверху, одним движением вогнал член в тесно обнявшее его лоно, и женщина задохнулась. Я сделал всего три таких движения, намереваясь выйти и еще поласкать мою подругу, но тело внезапно предало меня – я дернулся и почувствовал извержение. Мгновением позже и с ней случилось то же самое; ее ноги сами собой напряглись, прижимая меня.

Мир закружился, остановился, а я все еще находился в ней и все еще оставался крепок.

– Жаль... —сказал я. —Это было... слишком уж много прошло времени.

– Мне тоже жаль, – прошептала в ответ Марминилл. – И так быстро...

Мне было любопытно, как жители деревни при столь непропорциональном соотношении женщин и мужчин организуют свою половую жизнь, но все еще не решался спросить об этом. Кроме того, Марминилл подо мною была все такой же теплой и влажной, и я начал медленно-медленно двигаться взад-вперед, а ее ноги поползли по моему туловищу вверх и стиснули меня изо всех сил. Тогда я взял ее щиколотки в кулаки, широко развел в стороны, а затем резко подался вперед. Она задохнулась было, а затем вскрикнула так громко, что я подумал, что сейчас в хижину ворвутся часовые.

Я спал лежа на полу, а затем проснулся, почувствовав, как мягкие пальцы ласково щеко-чут мою мошонку и корень члена, и снова ощутил возбуждение и готовность. Свеча не горела, и в хижине было совсем темно; даже ночное небо, видневшееся в окошко, казалось светлым. Я протянул руку и нащупал теплые ягодицы и ноги, уже раздвинувшиеся для того, чтобы принять меня.

Я поднялся на колени и, все еще не совсем проснувшись, прижался бедрами к ногам женщины и вошел в нее. Она застонала, подавшись мне навстречу, а я начал медленно двигаться, с каждым движением почти полностью выходя из нее.

Ее стоны становились все громче, ягодицы отрывались от пола, поднимая меня вместе с собой, голова запрокинулась назад. Я опустил на нее, взял в обе ладони налитые груди с маленькими сосками, зарылся головой в курчавые волосы и понял, что женщина, с которой я сейчас занимался любовью, была не Марминилл, а кто-то еще, а она двигалась в такт мне и вдруг резко изогнулась, так что я ткнулся лицом в циновку и вскрикнул, а она часто и сильно задергалась подо мною.

Я вышел из нее, повернулся на бок, а женщина быстро встала и пошла к двери.

– Спасибо тебе, – прошептала она, отворила решетчатую дверь и исчезла.

Полностью проснувшись от потрясения, я сел и обвел взглядом хижину. В ней больше никого не было. Я вслух поинтересовался, что же за демоны тут шалили и куда подевалась Марминилл, но никто мне не ответил. Я нашел кувшин с водой, сделал из него большой глоток, затем воспользовался небольшим медным горшком, который еще с вечера заметил возле стены, и лег в постель.

Очень странно... Впрочем, я не чувствовал никакой угрозы для себя, никакой опасности... да к тому же переколот большую кучу дров. И сделал еще немало других дел... Так что мои глаза закрылись, и я уснул.

Я снова проснулся оттого, что почувствовал, как чьи-то губы скользят вдоль моего члена, а зубы игриво прикусывают головку. В хижине горели две свечи; я увидел длинные черные волосы, рассыпавшиеся по моему животу, и спросил себя, кто бы это мог быть на сей раз. Но усталое тело не смогло не откликнуться на призыв моей новой любовницы, и руки сами собой прошли по ее голове, погладили мягкие волосы, заставляя женщину двигаться чуть быстрее,

забрать всю мою плоть целиком, и вскоре я ответил, выбросив струю ей прямо в рот, а затем расслабленно откинулся назад.

Мое дыхание вскоре успокоилось, но женщина продолжала ласкать меня. Ее язык без устали щекотал мне мошонку и пах, а затем она подняла голову.

Это была Стеффи, совершенно голая. Надеюсь, что мне удалось не показать своего удивления.

– Я никогда еще так не делала, – сказала девушка. – Только читала об этом в книгах Гунетт. Надеюсь, что у меня получилось хорошо.

Она улыбнулась, облизывая губы.

– Предполагается, что меня здесь нет, – прошептала она.

Я совершенно не намеревался нарушить какой-либо из местных обычаев, и первое, что мне пришло в голову, была мысль о торжественной публичной кастрации за грех совокупления с женщиной, считающейся в деревне слишком молодой.

– Почему? – спросил я тоже шепотом.

Стеффи прижалась головой к моему бедру и начала ласково поигрывать указательным пальцем с моим членом.

– Потому что сейчас не мое время.

– Я не понимаю.

– Марминилл и Кима... Они сегодня почти наверняка должны зачать. Понести ребенка от тебя. Именно поэтому Гунетт послала их к тебе.

– А-а... – Ну конечно. Это и было то другое дело, о котором упоминала Гунетт. Ясно, почему женщины хихикали. В этом был свой смысл. Каким еще образом деревня могла вновь безопасно и быстро восстановить свое население, кроме как используя для этого подходящих путников? К тому же можно было не опасаться, что следующим поколениям грозит вырождение.

– Но мне все равно, – заявила Стеффи. – Эдирне всегда кончает в первый же момент, а потом говорит о том, что было, а Джалака слишком туп для того, чтобы с ним можно было говорить. И, – добавила она глухим, чуть слышным голосом, – мне хотелось, чтобы меня поимел кто-нибудь новый.

– Хотел бы я оказаться первым. – Она отвела взгляд. – Или, еще лучше, единственным. – Стеффи вдруг залилась румянцем. – Но из этого у нас с тобой ничего не получится, и потому мне придется ограничиться тем, на что я способен.

– Я хотела взять с собой Малу, но она испугалась, что ты решишь, что это слишком странно, и прогонишь нас обеих.

Я думал, что немного странноватым мне казалось все происходившее, но не стал отвечать.

– Ты спал так крепко, что я чуть не передумала будить тебя.

– Но ты хорошо потрудились для этого.

– Пожалуй, даже слишком хорошо, – пробормотала она, пробегая пальцами по всей длине моего члена. – Он никак не хочет делать то, для чего предназначен. О нет, подожди! Он жив. А теперь вставай, покажи себя во всей красе. Заклинание Гунетт действует.

– Она наложила на меня заклятие? – спросил я с глуповатым опасением, так как немного побаивался волшебства, когда его применяли ко мне, и уж особенно к этой части моего тела.

– Ну конечно, – как мне показалось, даже с легкой обидой отозвалась Стеффи. – Мы хотели быть уверенными, что ты сможешь отработать свой ужин. – Она захихикала. – Я тебе нравлюсь?

– Конечно.

– Тогда, пожалуйста, ну пожалуйста, возьми меня. И сделай что-нибудь особенное, что-нибудь такое, о чем я могла бы вспоминать, когда ты уйдешь.

Я обвел взглядом хижину и заметил сундук.

– Подойдем туда, – предложил я. – Но сначала я хочу тебя поцеловать.

– Все, что захочешь.

Она соскользнула с меня, и мы несколько длинных мгновений целовали и ласкали друг друга. Я покрыл поцелуями все ее тело, лизал ее языком и играл в ней пальцами, пока она не начала корчиться от нетерпения. Тогда я поднял ее платье с пола, накинул его на сундук и уложил Стеффи сверху на спину, так, что ее ягодички лежали на самом краю. Ее ступни я поставил на пол, а сам опустился на колени между ними.

– Обними меня ногами за талию, – попросил я, и она повиновалась. Я же принялся водить головкой члена вверх и вниз по ее обильно намокшим половым губам; девушка охала, задыхаясь, и крутила головой из стороны в сторону.

– Ну же!..

Еще рано, – откликнулся я, продолжая дразнить ее головкой моей игрушки, запуская ее внутрь на неполный дюйм и вытаскивая снова. Девушка вдруг забормотала такие слова, какие решится сказать не каждый солдат, и подалась всем телом мне навстречу, пытаясь заставить меня войти в нее. Но я снова погладил ее, а она в ответ раскинула руки и вцепилась в платье, на котором лежала; я же в этот раз резким движением полностью вошел в нее, и она захлебнулась воздухом.

– Опустит ноги на пол, – посоветовал я.

Она послушалась, и я вошел в нее еще дальше, чувствуя, как клитор прижимается к моему лобку. Обеими ладонями я мямл ее груди, а затем ее ноги оторвались от пола и обхватили меня за шею, а я мерно двигался, и она двигалась в такт со мною, стараясь удержаться от громких криков, но я был все так же крепок, все так же сильно двигался в ней, и снова ее ноги напряглись, призывая меня войти еще дальше.

Мы лежали вместе, все еще соединенные, на кровати, и она гладила мою грудь.

– Можно задать тебе один вопрос?

– Возможно, я и отвечу.

– Мне кажется, что твое имя не Нурри.

– Ты угадала.

– А ты скажешь мне, как тебя зовут на самом деле?

Я поколебался, но потом все же сказал правду:

– Дамастес а'Симабу.

Она быстро помотала головой.

– Я никогда не слышала этого имени. Или же могла слышать?

Я ответил каким-то неопределенным звуком.

– Ты убегаешь от чего-то, ведь правда?

– А почему ты так решила? – вопросом на вопрос ответил я.

– Ты покрасил волосы, а я не думаю, чтобы хоть один блондин захотел бы по доброй воле стать темноволосым.

– А почему бы и нет? У тебя темные волосы, и ты очень красива.

Она улыбнулась мне:

– Спасибо. Кроме Джалаки, никто и никогда не говорил мне этого.

– Похоже, в этой деревне мужчины плохо видят.

Стеффи вздохнула:

– Нет. Я просто использую их, как и все мы используем друг друга. Я хотела бы... – Она вновь замотала головой. – Впрочем, не стоит об этом. Дамастес, если ты бежишь от чего-то, почему бы тебе не остаться здесь? С нами? Гунетт была бы рада этому. Я знаю, что мы могли бы сделать тебя счастливым. А нам нужен кто-то сильный, такой, как ты. Не только в кровати или с топором, но и с мечом. На тот случай, если бандиты вернуться... или еще какие-нибудь

дурные люди. Ты стал бы у нас кем-то вроде короля или же королем для всех, кроме Гунетт, а ведь она волшебница, так что ее не нужно брать в расчет, и она хорошая женщина, и умная, и тебе не пришлось бы сомневаться, делать или не делать то, что она будет тебе советовать.

Это и впрямь была бы неплохая жизнь; причем я даже не думал о сексе. В чем состоит предназначение мужчины, как не в том, чтобы в промежутке между очередными пребывани-ями на Колесе найти кого-то, о ком он заботился бы, кто стал бы заботиться о нем, и сделать жизнь этого человека настолько хорошей, насколько это в его силах? Лучше, если он может помогать более чем одному человеку – семье... или деревне...

Возможно, если бы я поступил так и стал опорой этих людей, Сайонджи могла бы смягчить кару за грехи, когда ей придет пора судить меня.

Нет, это была бы совсем неплохая жизнь, здесь, в этой деревне, среди ее плодородных полей, любящих людей...

Но я покачал головой, сам точно не зная, почему я отказываюсь от этого предложения.

– Я сожалею... Стеффи глубоко вздохнула.

– Я должна была спросить. Ладно, Дамастес. Тогда возьми меня снова.

– Как я могу отказаться от такого любезного приглашения, – ответил я и посадил ее на себя, затем напрягся, сжал ладонями ее бедра и начал дергаться вверх и вниз, а она почти истошно завизжала и уронила голову мне на грудь.

Я не знаю, в заклинании Гунетт было дело или в чем-то другом, но той ночью я больше не спал ни минуты, занимаясь любовью со Стеффи всеми способами, которые я знал или мог придумать, а она была все время готова, полна желания, и наши тела сплетались на кровати, а души сливались воедино. Затем мы оделись, она целомудренно поцеловала меня, и я ускользнул из деревни как раз в то время, когда первые из ее жителей начали выходить из своих хижин в освещенную золотым восходящим солнцем рассветную тишину.

Со мною происходили в пути и другие случаи, мне доводилось встречаться и иметь дело с другими людьми; с одними я договаривался словами, с другими – мечом, но ни одно из событий не оказалось столь незабываемым, как это.

И наконец, в разгар Сезона Жары, я пересек узкую безымянную речку. Я почувствовал запах корицы, гвоздики, жасмина и понял, что снова оказался в Симабу.

5 ПРОТИВ ТИГРА

Теперь я шел еще неторопливее, то и дело задерживаясь – то для того, чтобы полюбоваться поляной в джунглях, то чтобы помочь фермеру обмолотить первый урожай риса, снятый в этом году с его чек, то чтобы поесть в деревенской гостинице, приняв во время еды участие в горячем и бессмысленном споре, касавшемся симабуанских обычаев, или истории, или религии, сопровождавшемся бесконечным количеством чашек чая.

Я, словно сухая губка, впитывал в себя после столь долгого отсутствия образ жизни моей родной земли. Но это была только часть всех тех причин, которые подвигли меня совершить такое далекое путешествие, и причем небольшая часть.

Чем ближе я подходил к семейному поместью, тем более значительным представлялся мне вопрос: значит, ты идешь домой, Дамастес?.. И что дальше? Каким же делом ты собираешься заняться? Имелись и другие, как более темные, так и более очевидные вопросы, о которых я даже не хотел вспоминать.

Но в конце концов, уже под конец Сезона Дождей, я вышел на утоптанную проселочную дорогу, пробежавшую через поля к старинному, похожему на крепость зданию, которого я не видел со времени похорон моей матери. Тогда я пребывал в звании первого трибуна императора.

Полевые работы все еще продолжались, и урожаи казались богатыми. Глаз резало лишь то, что в полях работали в основном женщины, дети и согнувшиеся от дряхлости старики, а молодых мужчин здесь было так же мало, как и в других местах. Конечно, притом, что родной сын хозяина возглавлял всю нумантийскую армию, во время войны патриотические настроения в этих местах не могли не подняться на высочайший уровень, и поэтому большая часть мужского населения ушла, чтобы сложить голову под знаменами.

Я все еще слишком часто мысленно возвращался в прошлое и потому заставил себя сосредоточиться на настоящем и будущем, так как мне предстояло жить дальше, и поскольку меня, скорее всего, разыскивали по всей стране с таким жаром, как никого другого, то еще и избегать постоянных опасностей.

Погода стояла очень жаркая, и, вероятно, любой, кто не родился в этих тропических джунглях, должен был страдать, обливаясь потом. Воздух сильно пах пылью и даже немного обжигал легкие, но для меня его вкус и запах были приятнее, чем чистейшая атмосфера горных вершин для кого-нибудь другого.

Главный дом находился в глубине большого сада. Стены были заново выкрашены, и видно было, что к большому зданию сделан ряд пристроек, отчего тот странный архитектурный стиль, которым успел прославиться мой отец, еще более усугубился. Видно было, что за садами хорошо ухаживают, что, впрочем, не оказалось для меня неожиданностью, поскольку большая часть деревьев, которые в нем выращивались, предназначалась не только для красоты, но и для поставки различных специй и экзотических плодов к нашему столу, и хозяева всегда следили за тем, чтобы зебу и замбары не имели возможности поедать наши фрукты.

Я осторожно приоткрыл ворота и сразу же увидел мужчину, который, опустившись на колени, начищал одну из двух стоявших по сторонам дорожки красных резных статуй богини Танис. Он выпрямился, когда я подошел поближе, и я узнал его и с изумлением подумал, что за те годы, что я его не видел, в нем не произошло никаких заметных перемен. Его звали Пето; он еще совсем мальчишкой ушел на войну вместе с моим отцом, был личным слугой Кадала а'Симабу и безупречно выполнял свои обязанности даже во время последней кровавой битвы в Тьеполо, где мой отец потерял ногу.

С тех пор он всегда жил вместе с нами, был главным дворецким нашего семейства и пользовался уважением не только за то, что всегда мог дать хороший совет, но и за великое умение держать язык за зубами, когда советы не требовались.

– Пето, – сказал я, – ты оставил пятнышко под подбородком Танис.

Он поднялся с колен, и я понял, что время все же сказалось на нем, как и на всех нас.

– Дамастес, – торжественно произнес он, – я знал, что они не смогут ни убить тебя, ни удержать взаперти.

А потом на его глаза набежали слезы, и на мои тоже, я оказался в его объятиях и осознал, что на самом деле вернулся домой.

Естественно, поднялся большой крик; все бурно радовались моему возвращению, меня пичкали наилучшими деликатесами, какие только нашлись в имении, и предоставили мне самую удобную из гостевых комнат.

Касса, младшая из моих сестер, все так же жила в этом доме вместе со своим мужем. Мангашей, который числился сержантом в ополчении Симабу и после смерти моих родителей управлял всем имуществом семейства. Касса от радости плакала навзрыд и порывалась созвать на праздник гостей со всех близких и дальних окрестностей.

Я увидел, что Мангаша несколько настороженно взглянул на меня, прежде чем остановить жену.

– Не забывай, моя безумная сестра, что я дезертир, – сказал я. – Давай не будем широко объявлять о моем присутствии до тех пор, пока не станет ясно, как пойдут дела.

Она назвала меня дураком, сказала, что никто в Симабу не станет доносить на меня, но тем не менее, похоже, отказалось от своей затеи и лишь отправила посыльных за двумя другими моими сестрами и их мужьями, а затем принялась расспрашивать, что мне нужно и чего я хочу.

– Полотенце, – ответил я, – и одежду, которая не воняла бы потом и дорожной пылью. – А также кровью и смертью, добавил я про себя, но не произнес этих слов вслух.

Как ни странно, немедленно нашлись легкие полотняные штаны и рубашки, сохранившиеся здесь с моего последнего посещения. Я взял одежду, полотенце и мыло и направился к тому пруду на краю джунглей, о котором столько мечтал все последнее время.

Он оказался меньше, чем представлялся мне по воспоминаниям, но оставался все таким же прохладным, зеленым и влекущим. Я сорвал с себя дорожную одежду, бросил ее, чтобы потом сжечь, нырнул и погрузился в глубинный полумрак, где время остановилось с тех пор, как я плавал там ребенком, радовавшимся тому миру, который открывается перед ним.

Но когда я вынырнул на поверхность, все оказалось таким же, как и прежде, если не считать слуги, державшего в руках покрытый для охлаждения мокрым полотном графин с моим любимым лаймовым напитком и большой стакан. Я залпом выпил стакан, затем еще один, влез на камень, тщательно намылился, смыл с себя мыло, еще раз намылился, снова окунулся и наконец, в очередной раз содрал с себя грязь, решил, что, пожалуй, меня можно считать чистым – впервые, как мне показалось, за это столетие.

Я плавал на спине, и голова, грудь, член и пальцы ног торчали из воды, а я смотрел на небо, которое было здесь самым синим во всей Нумантии, а течение от маленького водопада, который наполнял пруд, поворачивало и крутило меня, как сухой листок. Мои мысли стремились улететь куда-то вдаль, но я не позволил себе окончательно расслабиться. Предстоял вечер, к которому следовало подготовиться.

Столовая была освещена множеством свечей счастья; они были заколдованы легким волшебством, благодаря которому цвет их пламени и запахи были столь же разнообразными, как и воск, из которого они были отлиты.

Все казались счастливыми, то и дело проливались слезы, и никто не говорил о будущем или о прошлом. Вокруг толпились дети, и было ясно, что моему роду не угрожает опасность внезапно угаснуть.

Угощение было изумительным, и я с горьким юмором подумал о том, что иногда жизнь беглеца бывает не так уж плоха: на долгом пути мне довелось съесть немало прекрасных блюд, так что я мог бы написать трактат о праздничных столах на тропическом севере Нумантии, а потом с этой книгой в мешке отправиться голодать в Майсир или жевать нумантийскую тюремную еду.

К столу были поданы куриный паштет, приправленный множеством дикорастущих трав, креветки в кисло-сладком соусе, ананасовый суп, овощи со специями, утка, жаренная с медом, имбирем и соусом из дикой сливы, блинчики из зеленого лука, ароматные бобы и баклажаны, а на десерт отварные коренья лотоса с кислым и сладким рисом.

Сидевшие за столом пили отличное выдержанное вино, а я наслаждался свежеприготовленным апельсиновым соком.

В конце концов было покончено с последней переменной, детей увели, а стол накрыли чистой скатертью. Я попросил Мангашу закрыть двери и удостовериться в том, что слуги не подслушивают нас. В комнате было тихо, и все выжидательно смотрели на меня.

Мой план состоял в том, чтобы воспользоваться моментом и ошеломить всех, и именно так я и поступил.

– Я хочу поблагодарить вас за прием. Это было все – и даже больше того, – о чем я мечтал на протяжении долгих месяцев в аду, который именуется Майсиром, а потом в моей тюрьме на острове.

Произнеся слово «тюрьма», я взглянул на Траптейна и заметил, что он нервно поежился. Я никогда не испытывал к нему теплого чувства, невзирая даже на то, что на первый взгляд он мог показаться очаровательным: немного тяжеловатый, но всегда бодрый, с приветливой улыбкой, не сходящей с круглого лица. Возможно, причиной этого было то, что я увидел, как он перестал улыбаться, когда во время похорон моей матери понял, что не станет единоличным наследником всех родовых земель.

– Вы мои друзья, мои любимые люди, и я знаю, что, послав вас мне, Ирису тем самым выказал свое благоволение. Однако у нас существуют довольно серьезные трудности, которые необходимо обсудить. Я очень хорошо знаю, какие проблемы может повлечь за собой мое присутствие.

Тут меня прервали выкрики: «Нет!», «Никаких проблем не будет!», «Давайте не будем говорить о плохом!» Я подождал, пока все немного успокоится.

– Как бы ни хотелось избежать этой темы, мы не можем закрывать на нее глаза, – продолжил я. – Давайте беспристрастно взглянем на мое положение. Меня разыскивает Великий Совет в Никее. Прежде чем сбежать, я убил предводителя их подлых миротворцев и точно знаю, что они хотят отомстить за это. Они также очень боятся, как бы я не вернулся на службу к бывшему императору Тенедосу.

Я подумал, не сообщить ли родственникам о том, как фантом императора посетил меня, и решил не делать этого. Репутация Тенедоса и так было достаточно устрашающей.

– Я хочу сказать вам под строжайшим секретом, что мне уже предлагали возвратиться к нему. Он пытается заново собрать свою армию, где-то южнее наших мест, неподалеку от побережья, а затем двинется против Никей и попытается вернуть себе трон. Я скажу вам еще кое-что, о чем никто пока не знает, и прошу тоже держать это в тайне.

Кивки, возгласы и чуть ли не негодующий голос одной из сестер:

– Мы никогда ни с кем не говорим о семейных делах!

– Еще раз благодарю вас. Я решил, что не стану бороться ни на одной из сторон. Я видел достаточно кровопролития, достаточно бедствий. С этих пор я буду вести жизнь частного чело-

века, не более того, и тревожиться только о людях, непосредственно связанных со мной, о тех людях, которые сидят сейчас за этим столом. Я знаю, что в Нумантии нет и не будет никакого мира, пока Тенедос остается в живых. И опасаться нужно не только Великого Совета, но и майсирского короля.

– А что же нам делать? – спросил Дариал, муж Анадир. Он был заместителем деревенского старосты: маленький лысеющий человек, который всегда казался встревоженным.

– Если честно, то не знаю, – ответил я. – Постараться убраться с опасного пути. Когда тигры дерутся между собой, кролики должны прятаться.

– А это нам удастся? – спросила Анадир.

– Я и этого не знаю. Насколько мне известно, Симабу остается лояльной к правительству Nikei, по край ней мере пока что. Мы находимся в стороне и не обладаем никакими значительными ресурсами, на которые у противников могли бы разгореться глаза: ни людьми, из которых можно сделать солдат, ни железом для их мечей, ни продовольствием для ведения военных действий. Возможно, армии при своем передвижении не затронут Симабу, как это случалось до сих пор. Мы можем только молить Вахана, Ирису и Таниса сохранить мир на нашей земле. Но это заставляет меня вновь вернуться к нашей проблеме. Я не хочу делать ничего такого, что могло бы нарушить ваш покой, и думаю, что лучше всего будет, если я стану жить отдельно от вас и, насколько возможно, держаться в стороне от любых деловых операций семейства.

Траптейн едва слышно облегченно вздохнул, зато Касса тут же взвилась:

– Это полная чушь! Мы не собираемся прогонять тебя, брат!

– Конечно, – согласился я. – Я вовсе так не считаю. Но я не вижу ничего сложного в том, чтобы жить здесь, оставаясь в то же время почти незаметным.

– Каким же образом? – Это была Анадир, которая ко всему подходила с практической точки зрения.

– Я знаю пригодное для жилья место, о котором очень мало кому известно, – сказал я.

Мои сестры задумались, а потом Анадир воскликнула:

– Та старая хижина, которую отец подарил тебе, когда был еще мальчиком?

– Именно, – согласился я. – Она, по-видимому, все еще не развалилась, а мне ничего больше не требуется.

– Ты не можешь жить в такой лачуге! – вскипела Джерица. – Это будет позор для всех нас! Прославленный генерал, трибун, наш единственный брат...

– Джерица, – спокойно ответил я, – эта лачуга – единственное собственное жилище, которое я имел за всю свою солдатскую жизнь. Во дворцах, которые дарил мне император, я почти не бывал. Мне гораздо привычнее неровная глина вместо кровати и небо вместо крыши. И не волнуйтесь насчет позора. Помните, что мы не собираемся никому рассказывать о том, что я здесь.

– Люди много болтают, – цинично заметил Траптейн.

– Конечно, – согласился я, – и, естественно, будут болтать между собой и обо мне. Но если мы все будем заодно, то они будут переговариваться шепотом и знать, что то, о чем они болтают здесь, не следует знать чужим. Кроме того, все они симабуанцы, а с каких это пор наши земляки разучились хранить тайны?

Эти слова вызвали улыбки кое у кого из окружающих. Те, кто усмеялся, были, конечно, правы. У нас даже была поговорка: три человека могут сохранить тайну, если двое из них мертвецы.

– Но как ты собираешься проводить время? – осведомилась Касса.

– А ведь действительно хороший вопрос, – подхватил Дариал. – Насколько я тебя знаю, ты не согласишься просто сидеть и околачивать... ну, что ты там привык околачивать.

– Вы правы, вопрос хороший, – согласился я. – Я отвечу на него, когда подойдет время.

Долго ждать мне не пришлось.

Но сначала требовалось привести мой дом в порядок. Маленькое бунгало было подарено мне отцом, несмотря на сетования матери и сестер, и мне было приказано поддерживать там такой же порядок, как в казарме, что я и делал. Этот скромный домик оказался наилучшим из всех подарков, которые мне когда-либо делали, ибо здесь я вкусил радость одиночества и впервые начал постигать, что такое ответственность.

Я с удовольствием отмывал этот двухкомнатный домишко с выцветшими на солнце стенами, латал прохудившуюся кое-где крышу и заново укреплял перекосившуюся тяжелую дощатую дверь.

Хижина находилась на окраине поместья; прямо за ней начинались джунгли. Я притащил туда удобную прочную кровать, достаточно широкую для двоих, поскольку хорошо помнил девушек с фермы, которые приходили сюда после наступления темноты, посмеиваясь, что они оказываются первыми из тех, кому выпало обучить сына своего хозяина тем играм, в которые Джаен завещала играть людям. На одной стене я повесил карту Нумантии, на другой живописный набросок, изображавший битву при Тьеполо, и взял наугад охапку книг из семейной библиотеки.

Еще я забрал из главного дома старый меч моего отца. Именно с ним мне удалось освоить лучший из стилей боя и даже достичь в нем мастерства: обоюдоострое оружие с простой гардой и эфесом, с рукоятью, обмотанной акульей шкурой, чтобы не скользила в окровавленной руке. Я наточил клинок камнем, порошком натер так, что лезвия стали острыми как бритва, а потом повесил его в ножнах на стену, чтобы легко было дотянуться. Вбив два крюка ниже уровня кровати с дальней стороны, я повесил на них меч Салопа. Место для кинжала Перака было выбрано рядом с дверью. На дверной наличник я положил свой железный кастет.

Я не мог позволить застать себя врасплох и тем более захватить живым, если кто-нибудь решит напасть на меня.

Еще у меня было чувство, что я чего-то ожидаю и это должно вскоре случиться.

В ожидании я придерживался следующего графика: просыпался с рассветом, пробегал две или больше лиг по тропинкам в джунглях, после пробежки плавал, а затем завтракал водой и фруктами. Потом я изучал мои книги – занятие, которое я всегда ненавидел, так как мой разум никак не желал усваивать знания, которые хранили сухие пыльные страницы. Но это приходилось делать, так как я понимал, что мозг тоже может прийти в негодность, если не давать ему нагрузку.

Потом я немного ел в полдень, после чего или гулял, или ездил верхом. При жизни отца у нас всегда были лошади прекрасных кровей, но сейчас, похоже, мало кого интересовала верховая езда, и поэтому наши скакуны не столько ходили под седлом, сколько возили телеги и повозки. Я вспомнил о моих замечательных лошадях, Лукане и Кролике, которых я оставил в Никее, когда уезжал в Майсир, и надеялся, что они достались хорошим хозяевам и теперь пасутся на тучных пастбищах, наслаждаясь мирной старостью.

После прогулки я занимался тем или другим из проектов, которые вызвали такое неодобрение у Мангаши, когда он впервые услышал о них от меня. Это была расчистка леса и дикорастущих плодовых кустарников, а также осушение и очистка занесенного илом рыболовного садка. Этими работами я занимался в одиночку или с помощью двух-трех доверенных слуг.

Обедал я, как правило, в обществе того или иного из родственников, затем мы немного беседовали, после чего я рано ложился спать.

Порой я принимал посетителей. Это мог быть кто-нибудь из хорошо знакомых и пользующихся доверием местных волшебников, желавших узнать все, что я был в состоянии вспомнить о великих колдовских подвигах Тенедоса, или же пара деревенских мужиков, с которыми я вместе рос, желавших, чтобы я порассказал им о событиях во внешнем мире, тогда как мне хотелось послушать их рассказы о спокойной сельской жизни; дважды ко мне приходила одна

из местных девиц, чтобы пригласить на прогулку при луне, хотя мы с ней ни разу так и не отошли на приличное расстояние от дома.

Порой я ходил на охоту. В эти дни я поднимался задолго до рассвета и обычно к полудню уже имел добычу. Я охотился на замбаров, кабанов, а однажды уложил небольшого медведя, повадившегося травить у нас посевы. Иногда я приносил свою добычу на кухню усадьбы, сам свеживал и потрошил ее и передавал шеф-повару, а в иных случаях отдавал животных первому же попавшемуся крестьянину, для семьи которого свежая дичь была настоящим пиром. Это не было чистым альтруизмом – люди, которых я кормил, не только вряд ли станут во всеуслышание рассказывать о моем присутствии в поместье, но и почти наверняка поднимут тревогу, если увидят в наших местах каких-нибудь незнакомцев.

А потом я услышал о тигре.

Это был людоед. К счастью, он обитал далеко от нашего поместья, на расстоянии трех лиг от него. Он убил фермера, который поздно вечером искал в лесу заблудившегося теленка, затем двух женщин, собиравших хворост в той части леса, где тигры всегда любили отдыхать днем, и, наконец, наиболее жестоко и среди бела дня – маленькую девочку, игравшую позади хижины своих родителей.

Половина крестьян этой деревни решила не откладывая устроить охоту на это животное; другая половина была уверена, что это демон, а не существо из реального мира и потому убить его невозможно. Более храбрая половина все же убедила своих более осторожных товарищей. Мужчины, вооруженные косами и цепями, вытянулись в цепочку и принялись прочесывать лес.

Они нашли тигра – вернее, это он нашел их, появившись словно ниоткуда и свалив наземь одного из охотников, а затем, прежде чем другие успели замахнуться своим оружием, убил его соседа, перепрыгнул через головы крестьян и исчез.

Теперь стало совершенно ясно: существо было не от мира сего, так что сельским жителям не оставалось ничего иного, как забиться в хижины и просить богиню Земли Джакини и своих богов ниспослать им избавление.

Я услышал об убийствах два дня спустя и почувствовал, что мое сердце забилося немного тревожнее, так как я ощутил себя тем самым мальчиком, ехавшим на тигре, которому предстояло одичать и наброситься на меня.

Возможно, подошло время еще раз проверить, не лишили ли меня боги своего расположения.

Я взял копьа, лук, стрелы и двух заслуживающих доверия слуг и отправился в пострадавшую деревню.

На испуганные стоны о демонах я не обратил никакого внимания, зато потребовал, чтобы мне указали место последних убийств.

Обитатели деревни наотрез отказались заходить в лес. Они со слезами убеждали меня, что для них это означало бы чуть ли не верную смерть, зато я в этот день, когда то выглядывало солнце, то начинал моросить дождь, не чувствовал никакой опасности. Скоро я нашел прогалину и на ней останки тел двоих мужчин. От них оставалось уже не очень много: тигр возвращался сюда еще раз, а потом за то, что он не доел, взяли стервятники. Я велел своему слуге завернуть руку и ногу, чтобы отнести их в деревню для церемонии похорон, а сам принялся исследовать следы. Я нашел и лежку тигра, и путь, которым он подбирался к своим врагам.

Судя по следам на мягком грунте, это было молодое животное, вероятно самец, причем отпечатки одной лапы, как я и ожидал, оказались заметно крупнее остальных. Я возвратился в деревню, купил вола и пригнал его на ту самую прогалину в лесу. В течение трех ночей его испуганное мычание не давало никому в лесу уснуть, а на четвертую ночь на поляну пришел тигр.

Я сидел в засаде на дереве футах в десяти выше вола и вогнал копые со стальным острием прямо под лопатку тигру, которого было прекрасно видно в ярком свете луны, когда зверь на мгновение присел, прежде чем броситься на свою жертву.

Он лишь один раз взвыл, повалился на бок, выпустил когти, словно пытаясь дотянуться до меня, а затем умер. Я воткнул второе копые ему в живот, подождал, пока не удостоверился в том, что он не притворяется мертвым, и лишь потом спустился с дерева. Я осмотрел труп тигра и сразу обратил внимание на распухшую лапу, в которой торчал обломок иглы дикобраза, опрометчиво прибитого хищником. Ранка воспалилась, началось сильное нагноение, из-за которого животное потеряло способность охотиться на обычную добычу.

Вол, против моего (и, видимо, своего) ожидания, остался жив и невредим. Я выбрался из леса и крикнул жителям деревни, что их беды закончились. Они высыпали наружу, размахивая зажженными факелами, возносили молитвы за мое здоровье и даже предлагали мне те небольшие деньги, которые у них имелись.

Я, конечно, отказался, велел им взять на память тигриную шкуру, а в награду за оказанную в эту ночь услугу попросил, чтобы волу позволили жить, пока он сам не умрет от старости, и ухаживать за ним в память о тех, кого убил тигр.

Несмотря на поздний час, крестьяне собрали все лучшее, что у них было, и устроили пир в мою честь. Я охотно ел тушенную с чабрецом чечевицу, делал вид, что пригубливаю их самодельное рисовое вино, и смотрел на ликующие танцы под удары бубна и свист деревянных свирелей.

В конце концов меня стало клонить ко сну, я поблагодарил хозяев за гостеприимство и отправился в отведенную мне хижину. Раньше она принадлежала одному из тех людей, кого убил тигр.

Спустя немного времени в дверях появилась молодая девушка, которая, как я заметил еще во время пира, не сводила с меня глаз, и спросила, не желаю ли я, чтобы она составила мне компанию.

После того как мы закончили любить друг друга и она уснула, положив голову мне на руку, я подумал о последних нескольких днях и о том, насколько я доволен тем, как они прошли. Возможно, это был последний подарок тигра: он показал мне, что защита слабых от врагов приносит достаточно удовлетворения.

Еще я подумал обо всей Симабу, для которой одну из самых больших проблем представляют звери-людоеды – хищники из семейства кошачьих и иногда горные медведи, – главным образом потому, что полудикие племена, обитающие в глубине джунглей, считают, что воздают почести своим богам-животным, когда оставляют в чаше им на растерзание своих слабых, больных и старых людей. Животные привыкают к подобной легкой добыче, а позднее они становятся настоящими мастерами этой простой охоты, во время которой никогда не остаются без пищи.

Эти кошки – иногда тигры, но чаще леопарды – просто терроризируют Симабу. Легко поверить, что имеешь дело с демонами, поскольку некоторые из них убивают по семь или восемь сотен мужчин, женщин и детей, опустошая целые районы.

Очистка моей земли от них была бы той самой задачей, подумал я, уже погружаясь в сон, которая вполне подошла бы для бывшего первого трибуна, беглеца и убийцы. Потом я повернулся на бок и обнял девушку рукой. Она что-то промурлыкала, не просыпаясь, придвинулась ко мне поближе, а затем я уснул.

С головой, полной планов, я, путив коня легкой рысью, возвращался в поместье.

Примерно в миле от него меня остановил слуга. Он сообщил, что Мангаша поставил его и еще целую дюжину слуг на всех дорогах, чтобы я не смог проскочить мимо и обязательно получил предупреждение.

Меня ждали мужчина и женщина, прибывшие с большим конным эскортом.

6

ЗМЕЯ И ПРОВИДИЦА

Ты их видел своими глазами? – спросил я. – Да, – человек запнулся, пытаюсь сдержать невольную дрожь. Он явно не ожидал ничего хорошего от предстоящей встречи.

– Что... нет, скажи мне, как они говорили Мангаше о том, что я им нужен.

– Я не понимаю.

– Они приказывали ему, как будто точно знали, что я здесь? Или говорили так, будто спрашивали о друге, которого хотят навестить?

– Я не знаю, сэр, я правда не знаю, как рассказать о таких вещах.

Я хмыкнул, испытывая легкое раздражение.

– Ладно. Где они?

– Солдаты перед большим домом, – ответил он. – А двое главных и еще один крупный человек, который держится так, будто охраняет этих двух, – в доме.

Я натянул лук, засунул три стрелы за перевязь меча и приказал двоим спутникам следовать за мной чуть поодаль.

Мы обошли поместье сзади и вышли на малозаметный пригорок, на котором возвышалось большое дерево. Я скользнул за толстый ствол и осторожно выглянул из-за него.

Проклятье! И впрямь, никто не делал из мухи слона. Перед домом столпилось примерно пол-эскадрона кавалеристов. Я никак не мог опознать их обмундирование, но разглядел, что оно коричневого цвета и хорошо скроено. В коричневое одевались разведчики Йонга, но эта часть давно была распущена.

Я заметил и еще кое-что. Солдаты расставили маленькие палатки, которые привезли с собой, а их лошади стояли возле коновязей, как будто они расположились на бивуак. Бросилось в глаза еще и то, что они выставили всего одного часового, и тот с очень непринужденным видом сидел на скамье возле ворот. Как правило, на вражеской территории солдаты ведут себя по-другому.

Хлопнула дверь, и из дома вышли четыре человека. Первым был Мангаша, вторым – крупный мужчина, которого я, несомненно, где-то видел, но не мог вспомнить где.

А третьего я знал очень хорошо: Кутулу, Змея, Которая Никогда Не Спит, главный тайный агент императора!

Но он подвергся опале и еще до начала майсирской войны был сослан в одну из дальних провинций, не то в Чалт, не то в Бала-Гиссар. По меньшей мере одна из них объявила, что поддерживает Тенедоса. На чьей стороне был Кутулу? Как он нашел мой дом? Зачем я ему понадобился?

Затем показалась четвертая фигура, и при виде ее я смело вышел из-за дерева и зашагал к дому.

Это была коренастая женщина средних лет. Она была одета в коричневое, как и в те годы, когда служила мне. Девра Синаит, провидица, спасающая мою жизнь в Полиситтарии и покинувшая службу, когда я отправился в Майсир.

Мангаша увидел меня и заметно встревожился. Очевидно, Кутулу не сказал ему ничего определенного.

Кутулу заметил меня почти сразу, и я увидел у него на лице широкую улыбку. Маленький, тощий, жилистый человечек с очень непримечательными чертами лица бросился мне навстречу с распростертыми объятиями.

– Дамастес, мой друг!

Он на самом деле обнял меня и хлопал по спине. Я ни разу не видел у Змеи такого бурного проявления эмоций за все те десять или больше лет, на протяжении которых знал его.

– Ты даже не знаешь, – сказал он, – насколько я счастлив, что вижу тебя.

– А я тебя, – честно ответил я.

– Ты помнишь Элфрика? – спросил Кутулу. – Он теперь мой телохранитель.

Крупный человек почтительно приложил тыльную сторону ладони ко лбу, а я кивнул в ответ.

– Да, конечно. Добро пожаловать.

Я повернулся к Синаит:

– Провидица, вы оказали мне большую честь.

– Вы выглядите точь-в-точь так же, как и при нашей последней встрече, – ответила она.

– Я думал, что только мужчины могут говорить фальшивые комплименты, – сказал я и крепко обнял ее.

– Мангаша, это друзья, – обратился я к родственнику. – Отведи солдатам один из тех сараев, в которых мы селим сезонных рабочих во время сбора урожая, дай им все, что нужно или чего они захотят, и пошли в деревню за самыми умелыми поварами. Сегодня вечером состоится тот самый праздник, который вы хотели устроить для меня, и в нем теперь примут участие эти люди – поистине лучшие из лучших.

Мангаша окинул меня скептическим взглядом, затем коротко кивнул и удалился.

– Ты все еще продолжаешь слишком сильно доверять людям, – попенял мне Кутулу. – Ведь ты наверняка и понятия не имеешь о том, что происходит в стране.

– Если бы я увидел тебя одного, то, пожалуй, ты был бы прав в своем упреке, – усмехнувшись, ответил я. – А я вышел бы из укрытия, держа стрелу на тетиве. Но раз здесь находится Синаит, то, я уверен, мне не может угрожать никакая опасность.

– Будьте осторожней, – ответила женщина. – Это тоже еще не доказано. Но надеюсь, что вы правы.

– Позвольте вопрос! – сказал я. – Чье искусство помогло найти меня?

– Вообще-то, – ответил Кутулу, – и ее, и мое. Я давно знал по документам, хранившимся в имперских архивах, из какой части Симабу ты прибыл. Когда один из моих агентов – да, у меня все еще сохранилось немало источников в самых разных местах, в том числе и в аппарате Великого Совета, – сообщил, что тебя доставили на материк для секретных переговоров, а затем ты убил этого гнусного предателя Эрна и бежал... Скажу прямо, у тебя был не такой уж широкий выбор мест, куда ты мог бы отправиться.

– Я тоже знала, где находится ваш дом, – добавила Синаит. – Кутулу нашел меня месяцев шесть тому назад. Я была... ну, в общем, я была там, где была, и тщательно пряталась, так как не нужно обладать колдовской силой, чтобы предвидеть, что любым человеком, бывшим рядом с вами, а особенно магом, обязательно должны заинтересоваться и бывший император, и та парочка, которая управляет сейчас в Никее. Кутулу убедил меня в том, что мне следует (он сказал: вы должны) делать, а затем, когда он рассказал мне о вашем удачном побеге, я решила немного поколдовать, как делала это в прежнее время, и «нашла» вас там, где вы с наибольшей вероятностью должны были находиться.

– Мне необходимо задать еще один вопрос, – твердо сказал я. – Состоит ли хоть один из вас на службе человека, который в прошлом был императором?

Даже в этом отдаленном месте я не решался произнести вслух его имя и рисковать тем самым привлечь к себе его внимание.

– Нет, – без раздумий откликнулся Кутулу. – Ни сейчас, ни впредь. Он явился ко мне в сновидении два месяца назад и потребовал вернуться к нему. Но я отказался выполнить его приказ и решил, что должен... что моя обязанность состоит в том, чтобы бороться за Нумантию без Тенедоса. – Он говорил с явным усилием. – И именно поэтому ты так нужен нам.

– Не будем сейчас говорить об этом, – прервал я его. – Позвольте мне сначала насладиться вашим обществом. Позже, после того как мы пообедаем и вспомним о прошлом, вы сможете рассказать мне о своем деле.

Итак, мы пировали, но, боюсь, мои родственники оказались почти полностью исключенными из беседы, хотя я и пытался направлять разговор так, чтобы предмет нашей беседы был интересен и для них. Но одно за другим упоминалось то или иное имя, и кто-то из нас троих обязательно спрашивал, что случилось с ним или с нею. Чаще всего в ответ раздавалось: «Погиб в Майсире», или «Я не знаю», или «Думаю, что попался миротворцам», а то и ничего не говорили, просто не слишком вежливо пожимали плечами. Так можно было легко превратить дружескую встречу в заочную панихиду, но солдаты должны хорошо знать, когда можно, а когда нельзя скорбеть, даже после такой великой катастрофы, какую нам довелось пережить.

В конце концов мы втроем устроились в одной из гостиных, а мои родственники, выдумав из вежливости какие-то предлоги, разошлись. Элфрик разместился в коридоре за дверью, а я удостоверился, что для Синаит поставлена бутылка нашего лучшего вина. Кутулу, как и я, потягивал свежеприготовленный фруктовый сок.

Я откинулся в кресле и ждал.

– Вы нужны нам, – заговорила Синаит, – чтобы помочь уничтожить бывшего императора Лейша Тенедоса.

Я ожидал чего-то подобного, но оказался не готов к столь прямому высказыванию и посмотрел на Кутулу.

– У него сейчас около полумиллиона человек. Они собраны в Бала-Гиссаре и Даркоте, – сказал тот. – Мы имеем около ста тридцати тысяч в Амуре; они живут там в селах и городах. Среди них есть опытные солдаты, есть каллианцы, сражавшиеся против нас под командованием Чардин Шера или участвовавшие в начавшейся позднее партизанской войне. Другие присоединились к нам из различных побуждений: кто потому, что ненавидит тиранов, а кто из-за того, что император сделал им что-то дурное, или же им кажется, что сделал.

– Великий Совет, который, как я полагаю, нам пока что следует продолжать называть правительством, за последнее время довел численность своих войск примерно до шестисот тысяч человек. Они частично находятся в Никее, частично перемещаются на юг по Латане и проходят обучение в Курраме, используя в качестве баз старые гвардейские учебные лагеря и готовясь атаковать либо нас, либо императора – в зависимости от того, кто окажется ближе и слабее.

– Разница в численности меня несколько не удивляет, – заметил я.

– Естественно, – отозвался Кутулу. – Кто, по твоему мнению, может возглавить наших людей? Кто из нас способен планировать стратегию, разрабатывать тактику? Кто, по твоему мнению, должен сидеть на белом коне с мечом в руке и выкрикивать слова, услышав которые, все эти люди согласятся пойти на смерть ради уничтожения тирании? Я? – Он громко фыркнул. – Провидица? Она пытается, но...

– Вы нужны нам, Дамастес, – поддержала Синаит. – Нам необходим человек, бывший первым из трибунов. Вы, по нашему мнению, единственный, кто мог бы сплотить всю Нумантию для выступления против Тенедоса, а также уничтожить проклятых хранителей мира и их хозяев, марионеток Майсира.

– Возможно, мы начали не с того конца, – перебил я. – Позвольте мне задать очередной вопрос: почему Тенедос должен быть уничтожен? Разве никто из вас не помнит ту присягу, которую я ему приносил? Кутулу, ведь и ты давал точно такую же клятву.

Нет, – ответил Кутулу. – Как ни странно, но он ни разу не попросил меня присягнуть лично ему. Возможно, он считал, что было достаточно той присяги, которую я уже принял, поступая на службу в никейскую стражу, и моей... – он закусил губу, – несомненной преданности тому, что, как мне казалось, он обещал, – делу процветания нашей страны.

– И что же побудило тебя отказаться от него?

– Я видел перемены, – ответил Кутулу, – которые происходили в нем день за днем, год за годом, после того как ты надел на него императорскую корону. Казалось, будто существовали два Тенедоса: тот, которому я сначала служил, кто обещал стать величайшим из правителей, которых когда-либо видела Нумантия, и другой, стремившийся к власти только ради самого себя, капризный, даже злой человек. Мало-помалу от того человека, которого я знал раньше, оставалось все меньше и меньше; в конце концов его полностью вытеснил тот, новый император, который все погубил своим безумным вторжением в Майсир.

– Или же, – с расстроенным видом добавил Кутулу после небольшой паузы, – я обманываю сам себя. Воз можно, всегда существовал только один Тенедос, а я вместо него истинного видел то, что хотел видеть: короля, какого я желал для Нумантии... Я не знаю.

– Я тоже не знаю, – отозвался я. – Поскольку поступал точно так же.

– Дамастес, – вмешалась Синаит, – вы что-то скрываете. Я провидица – конечно, не столь сильная, как Тенедос, – но я сотворила кое-какие заклинания, и у меня сложилось четкое представление о том, что в последней битве при Камбиазо он намеревался поставить на карту все свое могущество. Я также обнаружила некоторое... ну, скажем, эхо, которое могло остаться от могучего заклинания – заклинания, вызывающего чудовищные силы зла, которое оказалось прервано. Дамастес, я хочу просить вас, просить как патриота Нумантии, рассказать нам о том, что произошло в Камбиазо. Что случилось перед началом сражения?

Я взглянул на нее.

– Почему вы думаете, будто мне что-то известно?

Она посмотрела мне в глаза, и ее взгляд подхватил меня, овладел мною, заставив меня вновь вернуться в прошлое.

До того дня я думал, что никогда и никому не скажу о том, что мощь Тенедоса основана на крови, а также и о том, как я не позволил ему перед битвой в Камбиазо произнести ужасное заклинание, то самое заклинание, которое вновь должно было разбудить демона, разрушившего неприступную крепость Чардин Шера и погубившего его самого и всех его людей.

Но я сделал это, закончив рассказ уже далеко за полночь. Я даже охрип, не столько от того, что мне пришлось долго и непрерывно говорить, сколько от чувства, которое поневоле пришлось вложить в мой рассказ.

– Что ж, – твердо сказал Кутулу, – ты поступил совершенно правильно.

– Вы поступили совершенно правильно, – согласилась Синаит. – И я думаю, что представляю, чего вам стоило поступить так с человеком, которому вы поклялись в верности. Но вы не уничтожили Тенедоса.

– Нет.

– Разве вы не обязаны завершить то дело, которое однажды начали?

Меня охватил гнев, и я вскочил на ноги.

– Обязанность, честь, присяга... – прорычал я. – По чему, ради всех демонов, все настолько спокойны, на столько уверены в том, что знают, какие я имею проклятые богами обязанности и клятвы, и в том, что я намерен соблюдать их? Хотел бы я сам иметь такую же уверенность!

Синаит тяжело перевела дух.

– Вы правы. Я прошу прощения.

– А я нет, – возразил Кутулу. – Дамастес, разве ты не понимаешь, что почти то же самое случилось и со мною? Разве ты не видишь, что я изменил присяге на верность Нумантии, когда понял, что человек, к которому я относился чуть ли не как к богу, ни капли не заботился о своей стране? Все, чего он хотел, были сила и власть, благодаря которым он мог бы управлять не только Нумантией, но и всеми на свете, этим и тем миром, богами и демонами! Как я мог служить подобному человеку, творить кровавые дела, которые большинство людей считали

самым настоящим злом, ради того, кто хотел превратиться в темное божество, возможно, даже стать олицетворением самой Сайонджи? А может быть, даже вообще захватить ее трон? Разве я могу продолжать хранить верность такому чудовищу?

Я никогда не видел в этом человеке подобной страсти и уставился на него в изумлении, а он покачал головой:

– Перед тобой стоит та же самая проблема, что и передо мной, не так ли? Ты видишь все эти четкие логические обоснования, но то, что ты сделал, продолжает терзать тебя... Мне это хорошо знакомо. – Он кивнул, как бы подтверждая свои слова.

– Хорошо, – сказал я, тяжело переводя дух. – Я принес присягу Тенедосу, а перед тем – присягу Нумантии. А мой родовой девиз гласит: «Мы служим верно». – Я горько рассмеялся. – Возможно, я многое делал не так. Возможно, Ирису где-нибудь живот надрывает от смеха, глядя на мои потуги. Ну и пусть! Я больше не участвую в этой большой игре. Пусть одна присяга остается на одной чаше весов, а вторая на другой. И пусть они болтаются там, пытаюсь перетянуть одна другую, а меня, ради всех чертей, оставьте в покое.

В Нумантии сейчас имеется три армии, намеревающиеся вцепиться друг в друга и снова растерзать страну на клочки ради того, чтобы выяснить, кто же воссядет на трон в Никее. А в результате, скорее всего, сюда снова придут майсирцы и страны не останутся вовсе. Я не могу помешать этому и, возможно, даже не хочу. Но вы должны ясно понять одну вещь. Я не играю.

Я не пойду с вами. И при этом я не собираюсь снова идти на службу к Тенедосу. И пусть вы все готовы терзать и рвать страну на кусочки, пока не останется ничего, кроме пепла и трупов. Я не стану в этом участвовать. Я уже убил достаточно, больше чем достаточно, послал на смерть неведомо сколько миллионов людей, послужил причиной возвращения на Колесо страшно подумать скольких женщин и детей. Довольно. С меня хватит.

Распахнув дверь, я отбросил подпиравшего ее спиной Элфрика и услышал, как Кутулу начал что-то говорить, но осекся на полуслове.

Я выскочил в темноту, рассеиваемую лишь слабым светом заходящей луны, вслепую дошел до своего дома, запер дверь на засов и с размаху рухнул на кровать.

Возможно, я хотел, чтобы кто-нибудь пришел ко мне, начал бы спорить со мной, привел доводы, заставил переменить решение.

Но никто не пришел.

На следующий день, поздним утром, подойдя к главному дому, я не увидел ни Кутулу, ни Синаит. Они уехали вместе со всеми своими солдатами.

7

СМЕРТЬ ОТ ТЕНИ

Чем больше я думал, тем тверже становилось мое решение. Мир мог валиться в какую угодно пропасть, но я же покончил с великими деяниями и желал только одного: чтобы меня оставили в покое.

Но добиться этого было вовсе не так просто. Если эти двое сумели найти мое убежище, то намного более могущественный волшебник наверняка сможет это сделать безо всякого труда. За минувшие годы я, безусловно, не единожды рассказывал императору о Симабу.

Почему он до настоящего времени не разыскал меня, я понятия не имел. Возможно, с надеждой думал я, он понял, что я никогда не стану поддерживать его врагов. Но все же я решил потратить некоторое время на подготовку к возможным будущим неприятностям.

Через несколько дней после визита Кутулу и Синаит к главному дому подбежал запыхавшийся скороход. Наместник района Белия (это часть Симабу, граничащая с севера и востока с Гермонассой, а на западе с Тикао), каким-то образом услышал о том, что в Атикиме объявился людоед, которого смог убить некий великий охотник, и решил отправить гонца за этим охотником. Тамошняя ведьма изучила циновку, на которой я спал, и еще кое-что, оставленное мною, – я не стал спрашивать, что именно, – и пришла к выводу, что меня удастся найти на расстоянии четырех дней пути от Атикима.

Этот случай тоже поколебал уверенность в том, что мне удастся скрыться (первый раз это сделала Синаит).

Раз уж деревенская ведьма способна учуять меня, то затаиться мне будет так же трудно, как спрятать слона на открытой равнине.

Присланное сообщение было кратким: Белию терроризирует леопард-людоед; возможно даже, не животное, а демон. Он убил дюжину человек за две недели, причем иногда леопард поедает трупы, но столь же часто оставляет их нетронутыми. Крестьяне впали в панику, начали бросать свои дома, перебираясь в немногочисленные мелкие городишки. Не мог бы охотник, кем бы он ни был, помочь в этой беде?

Ни я, ни Мангаша ничего не слышали об этом леопарде, однако до Дариала дошли некоторые сведения. Когда же он пересказал их мне, то я тоже задумался: не был ли этот хищник и на самом деле демоном? Более чем за восемь лет он убил по меньшей мере восемьсот пятьдесят человек – причем Дариал сказал, что это количество должно быть намного больше, так как значительную часть Белии занимают непроходимые джунгли и учет населения там ведется, мягко говоря, не слишком тщательно. Это было все, что он знал о Белии, не считая, пожалуй, того, что там во множестве сохранились построенные в незапамятные времена древние каменные храмы и что некоторые племена до сих пор используют эти храмы для поклонения. Я сам никогда не сталкивался с этими дикарями и не знал ни одного человека, который был бы с ними знаком, и потому мне, естественно, пришлось послушаться самых нелепых рассказов. Одни утверждали, что эти люди крайне жестоки, другие, напротив, говорили, что они сама кротость; то мне говорили, что они крайне уродливы, то, что они все поголовно красавцы, что они очень дружелюбны и что они враждебны ко всем чужакам. Может быть, благодаря тому что они поклоняются древнейшим богам, среди этих дикарей имеются волшебники, способные превращаться в животных.

– Возможно, этот леопард как раз и есть один из таких оборотней, – предположил Дариал.

– Возможно, – согласился я.

На память мне при шел кинжал с серебряной рукояткой, который Йонг по дарил мне на свадьбу. Мне доводилось убивать этим кинжалом и людей, и чудовищ, и, возможно, он мог бы

пригодиться мне и в этот раз. Но он остался погребенным в Камбиазо среди сгнивших костей убитого мною азаза.

Это путешествие давало мне повод исчезнуть на некоторое время из имения. Возможно, дикие джунгли помогут мне скрыться от глаз волшебников.

Я нашел тех двоих, которые сопровождали меня в Аतिकим, и спросил, не желают ли они еще раз принять участие в подобном развлечении. Один побледнел, как бумага, и ответил, что его рисовые поля совсем заросли сорняками, а он не решается доверить столь ответственное дело, как прополка, своей никчемной жене и столь же никчемным сыновьям, и... и я послал его подальше.

Второй, молодой человек, почти юноша, по имени Перче, усмехнулся и сказал: а почему бы и нет? Если его не сожрет леопард, то он все равно скоро помрет от скуки или же надорвется за плугом.

Я сказал ему, что нам нужно взять с собой, и распорядился, чтобы он приготовил все это и выбрал двух хороших лошадей и пару самых лучших мулов.

Затем я разыскал Мангашу и наконец-то откровенно рассказал ему обо всем, что случилось после того, как я покинул свою тюрьму на острове, и о том, как представляю себе будущее. Провидец Тенедос был мстительным человеком, который не остановился бы перед тем, чтобы стереть с лица земли целое государство или провинцию, такую, например, как Симабу, если она вызывает у него недовольство, как это некогда чуть не случилось с Никеей. Если он станет разыскивать меня, хоть магическим способом, хоть в своем настоящем виде, то, скорее всего, постарается отомстить мне за предательство.

Мангаша содрогнулся всем телом.

– Теперь я думаю, что мне не следовало возвращаться сюда, – криво улыбнувшись, сказал я.

– Нет, – мрачно возразил он. – Семьи должны держаться вместе; для них это гораздо важнее, чем даже для нации. Если бы ты не возвратился домой, а мы узнали бы, что ты мог это сделать, но не сделал, это покрыло бы нас позором на вечные времена. Так что мы должны поддерживать тебя и сейчас, и впредь. Возможно, в других частях Нумантии и найдутся люди, способные пренебречь семейными узами, но не думаю, что в Симабу таких окажется много.

Я на мгновение отвернулся, не желая, чтобы он видел, что я способен на проявление эмоций.

– Благодарю тебя.

– Не валяй дурака, – огрызнулся он. – За это не благодарят, и нечего об этом говорить. Просто нельзя не сделать того, что ты должен. Теперь, насколько я понимаю, вопрос заключается в том, что нам следует предпринять, чтобы быть готовыми к визиту этого проклятого богами колдуна.

Мангаша, бывший когда-то сержантом, стал настоящим прагматиком. Вынужденный в давние времена подчиняться начальникам, желавшим видеть в нем бессловесное животное, он со временем сумел освободиться от всех, кого не желал знать, и в первую очередь от тех ублюдков, которые ввергли его в это состояние.

– Я уеду через нескольких часов, – сказал я, – и хочу, чтобы ты без шума собрал семью и сообщил о том, что мы решили. – Я глубоко вздохнул. – Всем, кроме Траптейна... и Джерицы.

Мангаша без удивления взглянул на меня:

– Ты, похоже, доверяешь ему так же мало, как и я.

– Лучше будет сказать, что я не уверен в нем, а сейчас не такие времена, чтобы можно было доверять тому, в ком ты не до конца уверен.

– А Джерице – потому, что она его жена, – сморщившись, словно от кислого, добавил Мангаша.

Я кивнул:

- Жене, которая не поддерживает во всем своего мужа, тоже не стоит особо доверять.
- Мне будет трудно это сделать.

– Постарайся как можешь, – сказал я, а затем, не дожидаясь ответа, перешел к дальнейшим инструкциям. Ему следовало собрать рабочую бригаду из наиболее надежных мужчин и женщин, которых он знает лично. Пусть в глубине джунглей они найдут место, где можно будет держать оборону. Там нужно будет выстроить крепкие помосты и устроить на них склады. Пусть одна из деревенских ведьм наложит, на это место заклятие, чтобы лесные звери не растащили продукты. В случае атаки никто не должен пытаться бороться ни с солдатами, ни с демонами; всем следует бежать со всех ног. Нападение, если оно произойдет, будет, по всей вероятности, магическим и не должно продолжаться долго, особенно если Тенедос почувствует, что меня здесь нет. Хотелось бы надеяться, что обойдется без большого ущерба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.